

Антон Кротков Рикэм-бо «Стерегающий берег»

«Цивилизация заканчивается на берегу океана. Дальше человек просто становится частью пищевой цепочки, совсем не обязательно оказываясь наверху».

Хантер Стоктон Томпсон американский писатель и журналист, автор романа «Страх и отвращение в Лас-Вегасе»

Глава 1

*Начало июля 1947 года,
Западное побережье США.*

Со стороны эти несколько неприметных

каменных домиков на берегу океана могли показаться чем-то малозначительным. Прimitивная одноэтажная застройка, символическая ограда, поставленный на отшибе гараж и баскетбольный щит прямо над подъездной дорожкой. Можно было подумать, что здесь обосновалась какая-нибудь университетская лаборатория или, скажем, метеостанция — смущал лишь красный транспарант на ограде, уведомляющий, что каждый, кто попытается самовольно проникнуть на территорию, будет встречен огнем на поражение. Впрочем, чужаки забредали сюда крайне редко. Пригодные для отдыха пляжи с ресторанами и магазинчиками располагались далеко в стороне — ближе к Сан-Франциско. А тут лишь вода, да песок. Одним словом — глушь и скука!

То, что здесь расположен один из постов секретнейшей системы противолодочной обороны, — составляло военную тайну. В последние месяцы командование ВМФ США развернуло цепь подводных гидрофонов и гидролокаторов вдоль западного и восточного побережий страны. Буи с аппаратурой или, выражаясь более точно: «пассивные стационарные приемники звуковых сигналов» устанавливались один от другого на расстоянии нескольких морских миль. Параллельно возводились береговые посты, на которых круглые сутки, сменяя друг друга,

должны были дежурить команды гидроакустиков.

Работа по установке буёв-сонаров была проведена в большой спешке и без оглядки на то, что техника эта была ещё достаточно сырой. Страх перед новыми русскими подлодками был примерно такой же, как в начале войны перед зловещими «волчьими стаями» гитлеровского адмирала Денница. Тогда, в 1942 году немецкие подводники внезапно устроили беспечным американцам настоящий террор у их же собственных берегов.

И вот теперь советские подводные крейсера представляли не меньшую угрозу, ибо в качестве трофеев в конце войны Сталину достались новейшие германские U-Boot XXI серии конструктора Вальтера, так называемые «электроботы». Это были первоклассные океанские субмарины с изящным обтекаемым корпусом, водоизмещением 1600 тонн, на дизель-электрическом ходу, с аккумуляторными батареями, которые обеспечивали скорость движения под водой в 18 узлов. Иными словами речь шла об истинном шедевре, последнем слове техники мирового подводного кораблестроения. Вскоре после крушения нацистской Германии её флот был разделён между державами-победительницами. По итогам раздела Советскому Союзу досталось несколько десятков новейших германских субмарин. Ещё некоторое

количество таких кораблей в 1945 году русские захватили на верфях в захваченном ими Данциге.

Лодка XXI серии превосходила все западные аналоги по дальности плавания, скорости хода в подводном положении, возможностям пассивного гидролокатора и гидролокационной (безэховой) защите корпуса. По данным американской разведки, русские не только немедленно включили ценные трофеи в свой флот, но и с помощью захваченных немецких инженеров значительно улучшили их конструкцию, и в сжатые сроки наладили выпуск собственных боевых кораблей этого класса.

Так что повод для сверхбдительности с уклоном в некоторую параноидальность у американцев объективно имелся. С подачи адмиралов политикам тоже стали мерещиться перископы, через которые красные пираты рассматривают Нью-Йорк, Сан-Франциско и их виллы на побережье. В специальные программы защиты от новой угрозы были спешно вложены миллионы долларов, и в итоге появилась экспериментальная система массивированного прослушивания океана.

В этот день на станции дежурила смена лейтенанта Эрнста Мача. Под командой у него находилось восемь матросов и старшин — операторов и техников-ремонтников. Самый

опытный из них — старшина первого класса Эрнест Беннион. И ещё перед самым заступлением на дежурство Мачу навязали в стажёры-заместители недавнего выпускника военно-морской академии в Аннаполисе энсина¹ Роя Миллера.

День прошёл без осложнений. Техника вела себя на удивление покладисто. Вряд ли в этом были «повинны» русские подлодки. Скорее выдавшееся затишье можно было объяснить спокойствием моря. Новейшая экспериментальная аппаратура не часто баловала операторов столь примерным поведением. Ложные тревоги случались чуть ли не каждую смену. И каждый раз командиру поста приходилось ставить на уши коллег на эсминцах и лётчиков патрульной авиации, отправляя десятки экипажей прочёсывать сотни морских миль в поисках эфемерной вражеской субмарины. Потом, конечно, вернувшиеся с моря матросы-техники докладывали Мачу об очередном сбое установленной на гидроакустическом буе аппаратуры. И надо было давать всем отбой и выслушивать в свой адрес много неприятных слов, как будто это он лейтенант Мач изобрёл этот хренов прибор.

Но как уже было сказано, сегодня всем им

¹ Самое младшее офицерское звание во флоте США.

грех было жаловаться на службу. Командир пребывал в благодушном настроении и даже делал вид, что не слышит посторонней болтовни и смешков из операторской комнаты. Хотя обычно лейтенант строго следил за соблюдением инструкций, но в этот раз решил изменить своим принципам. И тому были две причины: во-первых, завтра у него день рождения и Мэгги намекнула, что дома мужа ожидает какой-то особенный сюрприз.

А во-вторых, ему надоело постоянно изображать на службе дракона. В конце концов, он должен быть благодарен судьбе за таких подчинённых. Ему действительно повезло. Особенно с этим здоровяком Беннионом, на которого в самой сложной ситуации можно положиться как на каменную стену. Поэтому пускай хотя бы сегодня, коль ситуация позволяет, дисциплинарные гайки будут немного ослаблены.

Мача даже забавляло, что новый заместитель, у которого это дежурство наверняка было первым в карьере, украдкой поглядывал на него с непониманием и осуждением. На его мальчишеском самоуверенном лице было написано: «Уж я бы такого не допустил». Мач лишь снисходительно улыбался недавнему кадету, вспоминая себя самого в его годы...

К вечеру погода начала портиться. Поднялась

волна силою в три-четыре бала. В половине второго Мач в очередной раз заглянул в комнату, где сидели гидроакустики. Почти всё пространство помещения занимала аппаратура. А чтобы ничто не отвлекало операторов от службы, на стенах развешаны казённые плакаты, призывающие к высокой бдительности и напоминающие о глупых болтунах и вездесущих шпионах.

Все находились на своих местах возле пультов. Лица сосредоточены. Парни внимательно слушали через наушники океан, чтобы не пропустить на фоне его величественного рокота подозрительный звук винтов крадущегося врага.

Вернувшись к себе в комнату, Мач, не раздеваясь, прилёг на кушетку и не заметил как заснул...

Внезапно тишину лейтенантской «каюты» разорвал зуммер телефона. Приложив трубку к уху, Мач услышал взволнованный голос старшего дежурной смены старшины Робина Кейса. — Сэр, в океане обнаружены шумы, которые мы не можем классифицировать. — Как это понимать? — спросонья не сразу понял в чём дело Мач. — Они что, вземные? — Трудно сказать, — растерянно замялся Кейс, — но они явно новые и нам неизвестные.

Через минуту встревоженный командир был в «рубке» гидроакустиков — все помещения на

станции именовались на корабельный манер: в доме имела своя «кают-компания», «камбуз» и «кубрик».

На крохотном экране эхолота отмечалось необычное свечение, а в наушниках, которые Мачу протянул один из «слушачей», слышался далекий, подобный эху гул.

Обычно акустиков не тяготит однообразная тишина. К их услугам целая какофония звуков — голоса резвящихся касаток и иных обитателей моря, шум волн, скрип сдвигающихся песчаных наслоений на дне. Но теперь странный гул перекрывал все иные шумы. — Такое впечатление, что «фонит» весь океан, — взглянув на командира, произнес с недоумением старшина Кейс. — Конкретного источника импульсов аппаратура не фиксирует. Но он был... Датчики тоже зафиксировали движение. — Скверно, — нахмурился командир, — что-нибудь с вашей аппаратурой? Небось, перестарались с тумблерами настройки, пытаюсь подстроиться под объект. — Нет, у нас всё в порядке... система работала штатно, — сглотнул слюну старшина. — Но за несколько минут до того как это началось, в зоне приёма возник звук... Вначале он был очень слабый, но быстро усиливался, становился отчётливее. В разговор вступил второй акустик: — Да, да, создавалось впечатление, что надвигается

что-то очень массивное. Постепенно странный шум затмевал всё остальное. Это напоминало приближение поезда в ночи.

По словам третьего члена дежурной смены, вначале сквозь бульканье и шелест волн новое звучание едва угадывалось. Новый шум словно вползал в привычную полифонию помех, постепенно заполняя собой пространство и давая максимум отражения на экранах локаторов. — Мне даже показалось на какое-то мгновение, прежде чем наступил хаос, что я расслышал ритмичное чавканье винтов подводной лодки — неуверенно признался матрос. — Какой-то странный стук, сэр... — Так вам показалось или это действительно была лодка? — строго взглянул на подчинённого Мач.

Видя как парень мнётся и тянет с прямым ответом, лейтенант помрачнел. Отсутствие чётковыраженного сигнала от буя вновь ставило его перед выбором: немедленно сообщить командованию о происшествии и поднять по тревоге все силы противолодочной обороны, либо прежде попытаться своими силами разобраться в ситуации, и уж тогда бить во все колокола. Ведь с большой долей вероятности всё дело снова в проклятой аппаратуре.

Такое уже случалось и не раз, в том числе из-за погодных условий. Командиры соседних

постов слежения сталкивались регулярно с той же проблемой. «А если всё-таки лодка?» — крутился в голове проклятый вопрос. Марч колебался. Но тут он вспомнил, какой разнос ему устроил коммодор Артур Гутман, командующий флотилией эсминцев из Сьюсан Бэ после предыдущего ложного аврала. «Скорей всего через несколько часов выяснится, что мы опять крупно облокались, и я опять окажусь крайним, — размышлял Мач, и вместе с накопившимся раздражением в нём крепло намерение проявить характер. — Всем плевать, что я действую строго по инструкции. Для этих высокопоставленных пердунов, привыкших к старой доброй технике, я со своей передовой наукой — молодой говнюк, заставляющий понапрасну отрывать их толстые адмиральские задницы от уютных перин среди ночи. Ещё пара таких выходов с моей стороны и я сгнию на этой станции лейтенантом! И то, что помимо гидрофонов, закреплённые на буе датчики зарегистрировали некое движение, тоже ещё ничего не означает. В конце концов, они могли среагировать на что угодно, хотя бы на крупный косяк рыбы!».

Пока их начальник размышлял, его подчинённые продолжали гадать, что за «призрак» они засекли. Чувствительность смонтированных на этом буе гидрофонов была такова, что позволяла на

большом расстоянии услышать крупную рыбу. Но даже кит — достаточно интенсивный отражатель подводного звука, — не способен на такое. Таинственный сигнал, который они слышали до того как микрофоны сошли с ума, выглядел значительно мощнее тех инфразвуков, с помощью которых общаются между собой крупные киты, находящиеся на расстоянии сотен морских миль друг от друга.

Один из акустиков высказал мнение, что странный звуковой эффект можно приписать гигантским кальмарам.

— А что если это всё же русские? — предположил другой. — Они могли запустить со своей подлодки имитатор эхо-сигнала, чтобы прощупать нас?

Эта версия всем показалась очень правдоподобной, ведь во время недавней войны, преследуемые немецкие подлодки тоже порой шли на разные хитрости. Например, они выбрасывали особые патроны с пенообразующим веществом. В воде возникало облако из газовых пузырьков, отражавшее сигналы гидролокатора почти так же хорошо, как отражает их корпус подводной лодки. Сбитые с толку гидроакустики английских и американских кораблей — охотников за подводными лодками наводили эсминцы на ложную цель. Сотни глубинных бомб

выбрасывались за борт впустую, а в это время немцы благополучно покидал район. Русские тоже могли придумать что-то подобное, чтобы запутать гидроакустиков противника на береговых постах.

Но лейтенанта эти разговоры не впечатлили. За всё время службы на этом посту Мач уже столько раз слышал о мифических русских подлодках, в реальности же пока не сталкивался ни с одной из них. Угроза эта пока оставалось лишь гипотетической. А вот серьёзно пострадать по службе из-за умников с озера с характерным названием Эхо, что расположено в безлюдных горах Штата Мичиган, было проще простого. Ведь именно там расположена лаборатория, где изобрели эти траханые микрофоны и датчики. Только одно дело испытывать аппаратуру в максимально комфортных условиях — под гладью уединённого крохотного озера, больше похожего на опытный гидроакустический бассейн, и совсем другое полагаться на неё в океане!

Наконец, лейтенант принял для себя решение: «Нет уж! Хватит становиться козлом отпущения! На этот раз я поступлю умнее — сперва надо убедиться, что с буюем всё в порядке, а уж потом спускать собак! Если это действительно русская подводная лодка, то далеко уйти она всё равно не успеет».

Скользнув взглядом по лицам своих людей,

Мач обратился к своему любимчику Эрнесту Бенниону: — Вот что, Эрни... сбегай-ка быстренько к бую. Меня интересует, что с этой пердящей бочкой (такое прозвище действительно закрепилось за буюми новой конструкции, ибо иногда из-за поломок особого рода они начинали выдавать сигналы довольно неприличного звучания). Буду ждать твоего кодированного рапорта по радио. — Понял, — деловито кивнул круглой головой Беннион и быстрым шагом направился собирать своих парней из ремонтной бригады. Через каких-то пятнадцать минут они вышли в море. Провожая глазами быстро удаляющиеся огни катера, Мач чувствовал смутное беспокойство.

Когда судно с ремонтниками прибыло в район нахождения бую, шторм почти стих, зато наплывающие полосы тумана до предела осложнили задачу. Даже мощный прожектор оказался бесполезен. Беннион приказал застопорить ход, чтобы не налететь на буй. Трое ремонтников во главе со старшиной пересели в резиновую шлюпку. Двинулись на вёслах, часто останавливаясь, чтобы осмотреться и прислушаться. Минут через десять сидящий на руле Беннион сделал предупреждающий знак. Ему показалось, что он слышит лязг и стук металла. — Это же цепь! — догадался один из ремонтников. — Ну, конечно! —

подтвердил другой, чьё тренированное ухо тоже уловило сквозь плеск волн характерный звук. Буй крепился ко дну якорной цепью, на которой были закреплены дополнительные датчики и другие приборы.

На массивном лице старшины возникло некое подобие улыбки. Взмахом руки он указал направление на источник шума.

Из серого, разорванного налетевшим ветром тумана, позвякивая цепью, возникла выкрашенная в красно-белый цвет гигантская металлическая бочка.

Набросив верёвку на крюк, ремонтники подтянули лодку к бую и начали работать...

Внезапно где-то неподалёку будто что-то большое с глухим стуком налетело на препятствие, послышался треск. Это продолжалось секунд десять, после чего свинцовое безмолвие поглотило отголоски таинственного события.

Мужики переглянулись, никто не понимал, что могло произойти в тумане. — Как грузовик в бетонную стену вмазался, — озадаченно пробормотал один, вглядываясь в серую пелену. — Нет... на обычное столкновение не похоже. Сам знаешь, без аварийной сирены и гудков суда в тумане не ходят, если только... — Думаешь, русские? — А дьявол их знает! Только напрасно мы оставили оружие на катере.

Даже старшина первого класса Эрнест

Беннион выглядел обеспокоенным, хотя обычно умел при любых обстоятельствах сохранять невозмутимый вид. — Может, они нас не заметят? — пролепетал самый младший в лодке. Будто очнувшись, Беннион собрался было грубо отчитать струхнувшего подчинённого, да так и замер с полуоткрытым ртом. Из серой мути тумана на них вынесло перевернутый кверху килем катер, точнее только его заднюю половину, ибо нос судна куда-то испарился. Обломок продрейфовал ещё какое-то расстояние. Лопастни его гребного винта продолжали вращаться. На глазах потрясённых моряков корма медленно погрузилась в пучину, выпустив на прощанье фонтан воды...

Глава 2

*Начало июля 1947 года,
Беркли, Калифорния, США*

По тихой улочке шагал мужчина лет тридцати. Судя по неторопливой, но целеустремлённой походке маршрут был ему хорошо известен и привычен. Что касается внешности, то, в общем-то, ничего примечательного в нём не было. Типичный научный работник, каких тут — в университетском

городке проживало немало. Задумчивый взгляд, трость, неброская элегантность в одежде — все эти черты могли внушить представление о данном господине как о сугубо мирном и штатском. Впрочем, кое-что в наружности прохожего находилось в некотором противоречии со всем его имиджем уютного университетского интеллектуала. Шрам на правой щеке и лёгкая хромота при ходьбе, из-за которой он собственно и носил с собой палку, наводили на подозрение, что первое впечатление о человеке не всегда бывает верным.

Звали господина Игорь Петрович Исмаилов. Он действительно преподавал в здешнем университете, и как раз через сорок минут у него должна была начаться первая лекция. Прохожий приподнял широкополую фетровую шляпу, поприветствовав полного мужчину, который как обычно торчал в дверях небольшого магазинчика. — Ждём вас сегодня, как обычно, мистер Исмаилов — крикнул в ответ хозяин лавочки, стараясь перекричать рёв низко пролетающего двухмоторного самолёта с эмблемой военно-воздушных сил на фюзеляже. Игорь вспомнил, что читал во вчерашней газете о начале совместных учений военных и сил береговой охраны по спасению моряков, терпящих бедствие вблизи побережья.

Провожая взглядом самолёт, Игорь боковым

зрением обнаружил приближающийся автомобиль и посторонился, пропуская зелёный шевроле. За рулём сидела женщина. Их глаза встретились. Это продолжалось каких-то две-три секунды, но мужчину словно током ударило. Автомобиль уже скрылся за поворотом, а Исмаилов всё никак не мог прийти в себя. Из закоулков памяти всплывали картины из прошлого, в реальность которых он перестал верить, будто это произошло не с ним или привиделось во сне: раннее утро, пустынный пляж, белоснежный песок под ногами и цепочка почти детских следов, уходящих к освещённому солнцем женскому силуэту вдаль. Она в шортах и в мужской рубашке, полы которой завязаны узлом выше пупка, рыжие волосы свободно распущены и их шевелит бриз.

Он движется по цепочке следов, тайно любясь их хозяйкой. Она же что-то высматривает в прибое и, найдя, радостно протягивает к нему руку, кричит о находке. И впервые в запале называет его просто по имени, отчего его внезапно охватывает неведомое прежде ощущение абсолютного счастья...

Ещё видение: напротив него через стол от души хохочет, едва не расплёскивая содержимое своей чашки, всё та же рыжеволосая хозяйка хижины. У неё светлая от природы кожа, которую лишь слегка позолотил загар, а нос, щёки и

подбородок усеяны крупными веснушками, которые совсем её не портят, а скорее даже наоборот — придают особенное очарование. Но главное её сокровище глаза — они удивительного сине-зелёного цвета. В них словно отражён кусочек океана.

За стеной шумит прибой, а в хижине соловьём заливается итальянский тенор с патефонной пластинки.

Весь остаток дня Исмаилов мысленно возвращался к взволновавшей его встрече. Это приводило к курьёзным ситуациям: несколько раз посреди лекции Игорь Петрович вдруг надолго замолкал, задумчиво уставившись в окно. Погружённый в себя, он не отвечал на приветствия сослуживцев, говорил что-то невпопад. Реакция коллег и студентов в целом оказалась добродушно-понимающей: ну с кем не бывает, тем более что прежде подобной склонности к чудачествам за всеми уважаемым коллегой и учителем не замечалось.

И только Нэнси Кологан изменилась в лице и обиженно поджала тонкие губы, когда он что-то невразумительное промычал в ответ на её вопрос о следующем свидании. Их роман длился уже почти полгода. Чтобы не породить ненужные разговоры любовники не афишировали свою связь. Исмаилов всегда был признателен Нэнси, хотя какого-то

большого чувства к этой разведённой крашенной блондинке никогда не испытывал. Они встречались раз или два в неделю. Обычно посидев в ресторанчике, шли к ней домой, где несколько часов занимались сексом, потом он один возвращался к себе домой. Ощущение новизны и свежести быстро ушло из отношений, как сок из залежалого яблока.

Тем не менее, Игорь был благодарен Нэнси за эти встречи. Так уж получилось, что круг общения его в последние годы был очень узок, а романов он вообще не заводил очень давно. Поэтому невольно причиненная любовнице обида заставила мужчину почувствовать угрызения совести. Это вывело Исмаилова из того состояния рассеянности, в котором он пребывал с самого утра. «Ничего, встречу Нэнси после работы и приглашу в её любимое «Приключение на углу». Там и померимся — решил Исмаилов. — Только надо будет во время перерыва позвонить и заказать столик».

Однако в эти планы неожиданно вмешались двое субъектов. Они встретили Исмаилова прямо на выходе из аудитории. Визитёры вежливо попросили «господина профессора» уделить им сорок минут его времени. Просьба была обставлена так, чтобы ясно дать понять: отказаться он не может.

При этом незнакомцы явно не торопились представиться. Они не понравились Игорю с

первого взгляда. Есть такой тип людей, которые одним своим появлением способны испортить настроение кому угодно.

Один из них — тот, что пониже, — то и дело крутил бычьей головой на толстой короткой шее, азартно провожая блестящими глазами упругие задницы симпатичных студенток. У него было невзрачное лицо, из тех, что обычно не запоминаются, если специально не постараться.

Его напарник, напротив, явно стремился по жизни обращать на себя внимание, производить впечатление, нравиться, особенно хорошеньким женщинам. «Пижон» носил усики а-ля Кларк Гейбл и одевался с претензией на шик. Губы и щёки его постоянно были растянуты в любезной полуулыбке. — Только давайте выйдем на улицу — предложил он Исмаилову.

Парочка только что побывала в местном кафетерии: оба держали в руках бумажные стаканчики с дымящимся кофе и обёрнутые в салфетку местные фирменные пирожки с мясом.

Пока шли по парковым дорожкам любители пирожков держались чуть позади Исмаилова, отчего у него было такое чувство, будто его ведут под конвоем. Игорь спиной чувствовал буравящие взгляды.

Наконец, они нашли уединённую скамейку. Сели. Видя, что клиент торопиться поскорее

закончить ещё не начавшийся разговор, тот, что пониже откусил кусок пирога, отпил кофе из бумажного стаканчика и с усмешкой поинтересовался: — Бойтесь не успеть пригласить стенографистку ректора в ресторан? — Она секретарша, — машинально поправил Исмаилов, мрачно заглядывая в наглые глаза приземистого крепыша. — И потом, разве вас касается моя личная жизнь? Продолжая жевать, наглец лениво пожал боксёрскими плечами и многозначительно заметил: — Только, если того потребуют интересы государства... Его напарник с обворожительными усиками над верхней губой примирительно произнёс: — Мистер Исмаилов, вы не должны воспринимать нас в штыки, ведь мы из военно-морской разведки...

Это было сказано со значением. При этом «Кларк Гейбл» с интересом и симпатией смотрел на Игоря. — Мы рассчитываем на вашу лояльность — продолжал он. — К постороннему лицу мы бы не обратились. Вы понимаете? — Не очень, — сухо ответил Исмаилов и взглянул на часы. «Гейбл», наконец, представился:

— Моя фамилия Гудвин. Кэптен Арчи Гудвин. Мой напарник — Ниро Вульф. Они даже вытащили свои удостоверения. Игорь выдал из себя вежливую улыбку: — Польщен. Непонятно лишь, зачем вам понадобилась моя скромная

персона. Ведь я уже три года, как в отставке. — Мы из контрразведывательного отдела, служба расследования уголовных преступлений ВМС — пояснил Гудвин. — Занимаемся также обеспечением безопасности. Базируемся в Сан-Диего.

Вначале Исмаилова удивила такая непосредственность. Но затем он догадался, что сообщая о себе такие детали, Гудвин, видимо, хочет продемонстрировать ему так своё доверие. — Понимаю. Я вас слушаю. — Вам что-нибудь говорит имя Морриса Элтхауза?

Гудвин повторил фамилию по буквам. — Я читаю газеты, — кивнул Игорь.

В газетах писали, что конгрессмен Элтхауз с семьей и друзьями проводил отпуск на личной яхте возле побережья Флориды. Судно и все кто был на борту исчезли при странных обстоятельствах. — В последнем номере «Вечернего телеграфа» писали, что нашли лишь несколько обломков яхты. — Абсурд, согласитесь — скорбно заметил Гудвин, качая головой. — Лишь несколько обломков и ни одного тела за десять дней поисков. Хотя, как вы понимаете, конгрессмены исчезают не каждый день, и к операции привлечены значительные силы. Нас интересует, что вы об этом думаете. Кстати, вот, можете посмотреть фотографии. Они сделаны с борта поискового судна и не попали в прессу.

Игорь взял несколько снимков, внимательно просмотрел, вернул обратно, после чего откинулся на спинку скамейки и закрыл глаза. Так прошла минута. Гудвин нетерпеливо кашлянул. — Что скажите, мистер Исмаилов? — Вам ведь не это интересно. — Да?! — у Гудвина заметно дрогнули брови. Хотя он пытался выглядеть искренне недоумевающим, забегавшие глаза его выдали. — Да — жёстко повторил за ним Исмаилов. — Думаю у вас достаточно специалистов, которые способны всё тщательно проанализировать. Да и в газетах чего только не пишут. И про внезапный взрыв двигателя, из-за которого экипаж яхты, якобы, мог не успеть подать сигнал бедствия. И про убийство из ревности...

Журналисты раскопали всё грязное бельё этой семьи, даже пишут, что конгрессмен мог умышленно исчезнуть, чтобы обрубить таким образом свои все проблемы. — Этими бреднями пусть кормят домохозяек — презрительно прожевал второй контрразведчик по фамилии Вульф. — Тем более что исчезновение не было внезапным. С борта яхты успели отослать странное сообщение... — В этой связи нас заинтересовал ваш доклад 1942 года — перебил подчинённого Гудвин. — Вот как? — Да, мы случайно наткнулись на него в архиве. — Послушайте, джентльмены, раз вы читали моё дело, то в курсе, что с флота меня

списали психиатры. Меня комиссовали вчистую. В госпитале из-за моих откровений меня объявили ненормальным и подвергли весьма радикальному лечению. Хорошо, что дело не дошло до лоботомии. Но через меня пропускали электрический ток, погружали в ванну с ледяной водой и проделывали со мной ещё массу любопытных вещей. После такого я уже ничего не помню. Кроме того, я не хочу лишиться своей нынешней работы в университете и снова оказаться запертым в психушку.

Игорь снова взглянул на часы и поднялся, давая понять, что разговор окончен. — Прошу прощения, но через десять минут у меня начнётся новая лекция. — Ну что ж... — Гудвин понимающе улыбнулся и тоже поднялся со скамьи. Вслед за ним это сделал и Вульф. На прощание вместе с протянутой для рукопожатия рукой старший контрразведчик вежливо предупредил: — Хочу надеяться, что о нашем разговоре вы никому не расскажете. Желаю успехов. — И вам того же. Жаль, что не смог вам помочь. — Ничего. Вот, возьмите — Гудвин протянул Игорю свою визитную карточку, пояснив:

— На тот случай. Вдруг что-то всё-таки вспомните.

У второго низкорослого контрразведчика оказалась рука каменотёса. Игорь машинально

отметил про себя, что если высокий в этой паре — голова, то его напарник наверняка — кулаки, и ещё вечноголодное чрево.

Глава 3

На выходные Исмаилов отправился к своему другу. Георгий или на американский манер Джордж Габор был известным писателем, публицистом и общественным деятелем. Ещё он был талантливым музыкантом и ярким коммунистом. Венгр по национальности, Джордж покинул родину ещё до войны. При нацистах его арестовали, через год он сумел бежать, перебрался вначале во Францию, а оттуда в США. Здесь эмигрант пришёлся ко двору в первую очередь благодаря тому, что вырос в семье дипломата и сразу стал писать на английском языке. Его романы вызвали одобрительные отзывы критики, а статьи охотно публиковала пресса — в первую очередь левого толка. Хотя свои страницы талантливому публицисту предоставлял даже престижный и солидный Life. В 1942 венгр получил Пулитцеровскую премию за антифашистский роман «Прокажённые в раю».

Полгода назад Габор перебрался с материка на небольшой остров неподалёку от побережья. У Игоря впервые появилась возможность посетить его новую резиденцию.

Он прибыл первым паромом, и в половине десятого постучал в дверь скромного типового дома. Исмаилову пришлось достаточно долго ждать, прежде чем ему отворили. Джордж встретил его в пижаме и в домашних туфлях. Судя по мятому лицу и воспалённым глазам, ночь выдалась для него бессонной. Редкие волосы по бокам внушительной плечи спутались и топорщились. Он выглядел обеспокоенным и озирался по сторонам. — Заходи скорей — Джордж настойчиво потянул Исмаилова за протянутую для рукопожатия руку в дом, однако отчего-то передумал: — А впрочем, почему мы должны прятаться, словно крысы! Ты ведь голоден? Исмаилов хмыкнул что-то неопределённое и развёл руками. Истолковав это как выражение согласия, Джордж предложил позавтракать «где-нибудь на свежем воздухе». — Хорошо, — согласился Игорь. — В таком случае я пока не стану заходить, а подожду тебя здесь.

Через пятнадцать минут Джордж снова появился перед ним — на этот раз причёсанный, в лёгком светлом костюме со своим лабрадором по кличке Сократ. Джорджу нравилось думать, что его пёс — реанкарнация великого философа античности.

Они неспешно направились по направлению к набережной. По пути Джордж рассказал, что жена позавчера прислала ему открытку из Парижа. Она

уехала в Европу почти месяц назад. Будучи тоже известной журналисткой, Зоя выполняла задание сразу нескольких изданий, и возвращения её вряд ли стоило ждать раньше сентября.

Они зашли в небольшой ресторанчик почти у самого моря. Джордж пояснил: — Сам знаешь, мы с Зоей любим угощать наших гостей. Но так как я, да и она — кулинары никудышные, то теперь мы приводим их сюда. Здесь отлично готовят, а хозяин — мой друг.

В самом деле, едва друзья расположились за столом под навесом из пальмовых листьев, как появился сам владелец заведения — итальянец или испанец по национальности. Они с Джорджем обнялись, похлопывая друг друга по спинам. Затем хозяин сердечно пожал руку Исмаилову. Смуглолицый и говорливый, южанин заверил, что обслужит их лично. И пусть дорогие гости не беспокоятся о выборе блюд, это уж его забота. Но прежде они немного поболтали. Джордж и его приятель-ресторатор попотчевали Исмаилова некоторыми здешними новостями, после чего хозяин заведения отправился на кухню. Джордж попросил пока принести своему гостю бокал вина, а себе просто воды. — Тебе можно позавидовать, — принимая от официанта бокал хереса, выразительно взглянул на приятеля Игорь, — ты устроился почти как в раю. Джордж устало улыбнулся в ответ. —

Расскажи это моей обострившейся язве, может она, — сволочь бессовестная, поверит тебе и станет меньше меня терзать. А заодно уж и больной печёнке.

Выглядел писатель и в самом деле скверно: он сильно похудел, кожа на его лице была серой с зеленоватым оттенком, мешки под глазами набухли, он как-то весь осунулся. Правда Джордж бодрился, как мог, но стоило ему задуматься, как уголки губ опускались, а на лбу появлялась глубокая складка. — А что это за история с рыбачьей лодкой, о которой вскользь упомянул твой знакомый? — вспомнил заинтересовавший его рассказ Игорь. — Я не совсем понял. Она что действительно пропала?

Джордж сделал какой-то неопределённый жест рукой, давая понять, что к местным происшествиям не стоит относиться слишком серьёзно. Тем не менее, он рассказал как было дело. Какие-то приезжие с материка арендовали тут лодку с мотором, заодно наняв её владельца в качестве шкипера. И отправились на рыбалку. Вечером лодка не вернулась. Жена рыбака бросилась в полицию. Но там ей объяснили, что бояться нечего, ибо море спокойное. Полицейские были уверены, что скорей всего приезжие уговорили своего капитана причалить в другом месте, и сейчас они пьянствуют в каком-нибудь

баре.

Джордж замолчал, чтобы смочить горло несколькими глотками воды, а Игорь взглянул на океан. Он напоминал тёмно-голубую пустыню, без единой точки на бескрайней поверхности. Только огромные фрегаты парили над небольшими волнами. — Мда-а... странная история... А как давно это случилось? — Да уже, наверное, суток трое прошло — пожал плечами Джордж. Он вытащил из кармана пачку сигарет, закурил и, окутавшись сизым дымом, словно ушёл...

Для Исмаилова это была новость, ведь всего полгода назад по настоянию врачей Габор завязал с пагубной привычкой, имея почти двадцатилетний стаж курения, и очень этому радовался. Было видно, что писателя занимают совсем другие мысли. Недавно Габор совершил в составе делегации иностранных коммунистов большой вояж по СССР, и начал работать над книгой. Так что вполне естественно, что в писательской голове постоянным фоном шло обдумывание материала, которому предстоит в ближайшие часы лечь на бумагу.

Габор много писал о России и Советском Союзе. Он благоговел перед русской культурой. Даже свою жену Збару предпочитал звать на русский манер «Зоей».

Габи живо интересовался русской историей,

преклонялся перед достижениями революции. Даже прошлогодняя речь Черчилля в Фултоне о «железном занавесе», опущенном Сталиным поперёк Европы, не поколебала его преданности Советскому Союзу. Ленин и Сталин оставались его богами.

Игорь, как сын эмигрантов, бежавших от большевиков в 1920-м году, этих восторгов приятеля не разделял. Порой у них случались довольно ожесточённые споры, что, впрочем, не омрачало их дружбы. Довольно часто Джордж просил Исмаилова объяснить ему ту или иную особенность русского менталитета или быта. — Можно подавать? — осведомился подошедший хозяин ресторана. Джордж, погружённый в свои мысли не ответил. Он шевелил тонкими, как у пианиста пальцами, а губы его слегка подрагивали. Маска депрессии снова появилась на его лице. Ресторатор и Исмаилов понимающе переглянулись, после чего хозяин подал знак своему официанту.

Желая растормошить чем-то озабоченного приятеля, Исмаилов шутливо сообщил, что если писателю снова понадобится консультант по России, то он возьмёт недорого. Джордж, однако, даже не улыбнулся. — Материала у меня хватает, спасибо, — ответил Габор, вяло шевеля ложкой в тарелке с манной кашей. Что поделать — потчuya гостей местными деликатесами, сам он при своей

язве вынужден был придерживаться строгой диеты.

Перед вторым гостем хозяин поставил огромную тарелку спагетти с креветками под фирменным соусом. От кушанья шёл такой аромат, что рот у Исмаилова мгновенно наполнился слюной. Хлебосольный хозяин также настойчиво посоветовал ему попробовать бараньих котлеток. Действительно они просто таяли во рту — нежные, в пикантных сухарях, отлично прожаренные. А вот от дегустации блюд из морепродуктов пришлось отказаться, тем более что ещё предстоял десерт из мороженого со свежей клубникой и кофе лате. Игорю пришлось даже незаметно ослабить брючный ремень, так он объелся.

Сократ тоже не остался без угощения — ему была принесена большая миска с мясным гуляшем. Пёс ел с большим аппетитом, громко чавкая.

К разговору вернулись после завтрака во время прогулки по набережной. В этот момент поблизости никого не было. Джордж признался, что недавняя поездка в СССР многое в нём перевернула: — Я был очень взволнован перспективой увидеть вблизи хотя бы какую-то часть настоящей России. Конечно, я уже имел некоторое представление о твоей исторической родине, Игорь, но то, что я пережил, люди, которых я встретил, — все это оказалось так непохоже на то, чего я ожидал...

Габор стал зачем-то говорить, что никто не может обвинить его в недостаточно искренней любви к Советскому Союзу и преданности коммунистической идее.

Исмаилову показалось, что сейчас будет сказано что-то чрезвычайно важное и необычное, и он не ошибся.

Габор признался, что у него словно открылись глаза на жизнь в СССР. Хотя от иностранцев всячески пытались скрыть некоторые особенности советской жизни, каким-то образом Джорджу удалось многое узнать об изнанке жизни в сталинском раю. Эйфория от совместной с союзниками победы над нацистами там сошла на нет, и власть снова озаботилась поиском врагов — внешних и внутренних. Партийное и советское руководство стало принимать жёсткие меры в первую очередь по отношению к собственной интеллигенции. — Тот, кто слепо не превозносит всё отечественное в пику западному и гниющему, огульно обвиняется в отсутствии патриотизма. И объявляется безродным космополитом. Развёрнута настоящая охота на ведьм! В стране свирепствует партийная цензура, люди до крайности забиты и напуганы. При этом есть парадная витрина столичной жизни, за которой скрывается ужасающая нищета, бесправие и убожество обычной жизни советского народа.

Габор переживал сильнейшее разочарование в прежних идеалах...

Был уже вечер. Друзья сидели в писательском кабинете. Окна были настежь распахнуты. Легкий бриз с океана нёс прохладу. Обстановка кабинета выглядела предельно просто: пара стульев, топчан у стены застелен шерстяным пледом, на столе старенький ремингтон — единственная вещь, которой неприхотливый в быту писатель по-настоящему дорожил. Она кочевала с ним повсюду — из квартиры в квартиру, из дома в дом. До знакомства с Зоей иного серьёзного имущества у недавнего эмигранта не было. Джордж даже в шутку называл приобретённую по случаю на распродаже выдавшую виды печатную машинку «моё приданное».

Прямо на полу громоздились стопками книги, журналы и газеты, какие-то папки. На корешках одной из них Игорь прочитал: «Моррис Элтхауз. Материалы для доклада о продовольственном геноциде в СССР»...

Джордж мало обращал внимание на комфорт. Он будто стремился ощущать себя солдатом в походе, даже несмотря на появившуюся рядом женщину. Или же боялся, что привычка к удобствам, на которые так щедрa Америка, и семейное счастье размягчат его изнутри и толкнут

на сделку с собственной совестью.

Габор сам вернулся к разговору о книге. — Я напишу совсем не то, чего от меня ждут. Это будет правда об СССР! Эта книга станет настоящей бомбой. Один очень влиятельный человек дал мне для ознакомления очень впечатляющий материал. Эта книга повергнет всех в шок!

Впрочем, Джордж не собирался делать тайны из своего раскольниковства, ведь это было бы непорядочно в первую очередь по отношению к друзьям и читателям его книг. Поэтому на прошлой неделе он выступил на радио. А за два дня до этого признался в своих сомнениях по поводу СССР в элитарном клубе главных редакторов ведущих американских газет. Габор откровенно говорил о том, что Сталина искажённо воспринимают на Западе, особенно интеллигенция. На самом деле это очень хитрый и жестокий диктатор азиатского типа, который проводит целенаправленную политику геноцида собственного народа. Западные политики ещё раскаются, что отдали ему фактически на заклятие народы восточной Европы.

И сегодня, когда Джордж говорил об этом другу, голос его дрожал от искреннего волнения, а мадьярский акцент звучал резче...

Наконец, Габи замолчал. Некрасивое усталое лицо его ещё некоторое время, будто по инерции светилось обличительным пафосом, но постепенно

эмоции стали гаснуть, уступая место выражению скорбной задумчивости. Игорь отметил как сильно сдал и постарел товарищ за последние месяцы. — Да я долго заблуждался — горько признал Джордж, подняв на друга влажные глаза, — И нет смысла подыскивать себе оправдания. Я заслуживаю осуждения за всё то, что написал прежде. Ведь своими книгами и статьями я невольно прославлял самый большой обман нашего века. Но в том то и дело, что если с Гитлером всё было ясно с самого начала, то Сталинизм — это хитрый дьявол, который искусно рядится в белоснежные одежды...

Исмаилов слушал друга, не проронив ни слова, он не верил своим ушам. В голове не укладывалось, что Габор может произносить такую страшную крамолу в адрес кремлёвского богочеловека. — Давай выпьем — в мрачной решимости предложил писатель. — У меня тут припрятана бутылочка отличной зубровки — сувенир из Минска. — Что ты говоришь, Габи?! — ещё более изумился Исмаилов. — Пожалуйста, не надо! Давай обойдёмся без этого. При твоей язве можно ли так рисковать?! Зоя мне не простит. — К чёрту язву! И к чёрту эту железнобокую комиссаршу! — с неожиданным раздражением и даже злобой воскликнул Джордж и признался:

— Прости, друг, я не хотел тебе говорить, но после моей покаянной речи по радио, Зоя

позвонила мне из Парижа и заявила, что уйдёт от меня, если я немедленно не выступлю с опровержением. «Говори что хочешь, хоть признайся во временном помешательстве или скажи, что был пьян, но ты должен как-то прикрыть своё бесстыдство и мой позор» — потребовала она. Ей, видите ли, будет проще, если я добровольно объявлю себя сумасшедшим. — Она приедет, и ты всё ей объяснишь. Ведь она любит тебя, Джордж. — Сомневаюсь. Я то её знаю. Она много раз повторяла, что настоящий коммунист должен быть готов пожертвовать личным счастьем ради своих убеждений. Скорее она выступит против меня на партийном суде, чем согласиться выслушать и понять.

Габор сидел, по-стариковски опустив плечи, кусая бледные губы. Взгляд его был упёрт в пол. Вдруг он вздернул заросший щетиной подбородок. — Но я всё равно не пойду на сделку с собственной совестью, им меня не запугать!

Выяснялось, что успешный писатель последние дни жил словно в осаждённой крепости. В коммунистической прессе началась его активная травля. Лидер американских коммунистов Браудер, бывший баптисткий священник, который контролировал всю партийную прессу и являлся главным редактором газет «Дейли уоркер», «Санди уоркер» и журналов «Коммьюнист» и «Нью

мэссиз», лично возглавил этот крестовый поход против опасного еретика. Каждый день в своём почтовом ящике Габор находил газеты с порочащими его статьями и письма омерзительного содержания. На телефонные звонки он давно перестал отвечать, не желая слышать отборные ругательства от людей, которые ещё недавно считал своими друзьями.

Но самое поразительное, что и американские правые восприняли поступок «перебежчика», как хитро задуманную красную провокацию. Голливудская кинокомпания внезапно разорвала с ним контракт на сценарий нового фильма. А власти грозили высылкой из США, согласно Закону о регистрации иностранцев, более известному, как «закон Смита». Этот позорный акт предусматривал обязательную регистрацию всех проживающих в стране иностранцев и столь же обязательную депортацию за пределы страны тех из них, на кого падало подозрение в связях с «подрывными элементами». В вину известному писателю даже вдруг поставили то, что в 1942 году он активно требовал открыть второй фронт. Якобы, он уже тогда проявил себя, в качестве агента Кремля.

Джордж порывисто поднялся, подошёл к столу, взял какой-то лист и протянул Игорю. — А это я получил вчера.

Игорь прочитал письмо дважды, — вначале

бегло, затем более вдумчиво. Поле чего сказал: — По-моему, ничего особенного. Обычная анонимка с угрозами, рассчитанная на слабонервного. Я бы не придавал ей большого значения.

Игорь ещё раз уткнулся взглядом в машинописный текст и предположил: — Думаю, писал психопат с не в меру разыгравшимся воображением. Смотри, как он закрутил в конце письма. Игорь процитировал: «Вскоре ты пожалеешь, мразь, что тебя не расстреляли в твоей сраной Венгрии, ибо мы приготовили тебе казнь в тысячу раз хуже». — Рай, одним словом, — с сарказмом напомнил Игорю его недавние слова Габор. Губы его скривились. Джордж действительно был из тех, кого трудно запугать.

Они ещё немного посидели. Игорю постарался мягко убедить приятеля, что ему не стоит вставать на путь саморазрушения. В конце концов, его авторитет в мире настолько высок, что он сможет спокойно переехать в Европу, где атмосфера гораздо свободнее. А в нынешней Америке многим стало неуютно из-за своих убеждений. Вон даже Чарли Чаплина пытались вызвать на специальные слушания в конгрессе, тоже угрожая великому актёру и режиссёру депортацией. И лишь из опасения, что гениальный комик может сочинить ядовитую сатиру на своих преследователей, Чаплина не решаются всерьёз

трогать. — Твоё слово — это твоё оружие! Отвечай своим гонителям книгами и статьями. А на анонимщиков вообще не трать силы, ведь они скрывают свои имена из страха попасть на остриё твоего пера. — Ладно, уговорил — «Зубровку» я с тобой пить не стану! — Габор поднялся со стула, давая понять, что пора ложиться. — Напрасно ты отказываешься лечь в спальне, там на диване тебе было бы гораздо удобнее. — Нет, нет, — замахал руками Игорь. — Уж позволь гостю выбирать! Между прочим, древние считали, что ложе впитывает в себя сны спящего на нём человека. Может, я желаю позаимствовать сны гения! Глядишь, вернусь от тебя и сам накропаю что-нибудь стоящее. — Ну, как знаешь...

Габор пожелал гостю спокойной ночи и вышел, прихватив с собой печатную машинку и стопку чистых листов...

Было без десяти минут два. Игорь подошёл к раскрытому окну, и некоторое время стоял в задумчивости, вслушиваясь в приглушённый шум невидимого отсюда моря. Хозяин за стеной никак не мог успокоиться. Стук его машинки напоминал работу пулемёта.

Глава 4

На следующее утро, проснувшись, Игорь

заглянул на кухню — Габор с сосредоточенным лицом поджаривал яичницу и молчал. Лишь поставив перед Игорем тарелку с его порцией, спросил с вызовом: — Я хочу знать: имею я право распоряжаться собой? Ты мой единственный настоящий друг, так скажи мне. — Ты хочешь расстаться с Зоей? — догадался, куда дует ветер Игорь. — Да. — В таком случае, это может быть лишь твой выбор. — Я рад, что ты так сказал — Габор похлопал Игоря по плечу и потянулся к лежащей на столе пачке сигарет. — Я выбираю начать жизнь с чистого листа. Завтра же уеду отсюда, и катись оно всё к чёртовой матери!

После завтрака, когда Исмаилова засобирался в обратный путь, Габор, взяв собаку, пошёл провожать его до пристани. Писатель всю дорогу с воодушевлением рассказывал о том, как начнёт новую жизнь в Европе. Заберётся куда-нибудь подальше в Альпы, снимет часть деревенского дома, и будет жить как простой крестьянин — на домашнем хлебе, молоке и сыре, без электричества и ватерклозета. А самое главное — вдали от телефонов, газет и знакомых, чтобы ничто не отвлекало от раздумий и работы. — Когда у тебя отпуск? — вдруг остановившись, поинтересовался Джордж. — В конце лета. — Приедешь ко мне! — как о деле решённом сообщил Джордж. — Я пришлю тебе адрес. «Только по Швейцариям мне и

останется ездить, — про себя грустно усмехнулся Исмаилов. — Особенно если университет решит не продлевать со мной контракт на следующий год». Но чтобы не обидеть приятеля отказом кивнул. Хотя вообще-то он давно мечтал сменить обстановку. Хотя бы на время. В родном городе Исмаилову стало тоскливо. Да и разве это город? Так, просто вытянувшаяся вдоль океана бесконечная вереница однотипных скучных домов. Он был бы совсем не прочь повидать мир, прокатиться в Европу. — Решено! — радостно подхватил Габор. — как устроюсь, сразу вышлю тебе адрес.

До отхода парома ещё было время и они расположились на веранде маленького ресторана, наблюдая за суетой на пристани. Там постепенно собиралась толпа отплывающих на материк и тех, кто их провожал. Неподалёку плескались волны, солнце уже почти рассеяло утреннюю дымку над бухтой. Всё настраивало на умиротворённый лад.

Вдруг Джордж втянул голову в плечи, как-то весь сгорбился и тихо произнёс: — Чёрт! Снова он! Чего они хотят от меня?! На лице Габора появилось отчаяние и гнев. Он слегка кивнул Исмаилову: — Видишь того типа в сером пиджаке. Игорь внимательно посмотрел на указанного мужчину и не заметил в нём ничего подозрительного. Обычный приезжий, ничего примечательного. Он

выбирал возле киоска открытки с местными видами и даже не глядел в их сторону. Но Габор был уверен, что не ошибся. — Шпик только изображает из себя туриста. Смотри, нацепил тёмные очки, хотя солнце ещё не слепит. — Ну и что? — Как что! Неужели ты не понимаешь?! Он же не хочет, чтобы мы видели его глаза.

Писатель предложил другу заглянуть под стол и, приподняв рубашку на животе, продемонстрировал массивную рукоять заткнутого за ремень армейского кольта. Таким испуганным и одновременно агрессивным Исмаилов друга ещё не видел. Лицо Джорджа перекосилось, глаза стали бешеными. Крупноголовый, узкоплечий мужчина походил на мальчишку-скрипача, решившегося, наконец, дать отпор уличному хулиганью. Исмаилов произнёс как можно спокойнее: — Плохая идея, старина, — стрелять в человека только потому, что он тебе чем-то не понравился. — Ты не понимаешь, всё очень серьёзно! — заводился Габор. Он рассказал о странном случае, который произошёл с ним на прошлой неделе. Он ездил по делам в Нью-Йорк, и там случайно заметил за собой слежку. — Я шагал по улице, как вдруг загравком ощутил опасность. Я не испытывал этого чувства с того самого дня в Будапеште, когда меня арестовали. Обнаружить слежку, даже квалифицированную, вовсе нетрудно,

особенно рано утром, когда прохожих на тротуарах ещё немного.

Джордж признался, что давно ожидал чего-то подобного. Особенно после своего разговора с Нильсом Бором, когда полностью поддержал желание всемирно-известного учёного поделиться секретами своей недавней работы с русскими². — То, что Федеральное бюро расследований занимается шпионажем в отношении меня, не стало для меня новостью. Я предполагал, что мой телефон прослушивается. Друзья предупредили, чтобы я был на чеку, ибо ФБР ничего не стоит сфабриковать какое-нибудь ложное обвинение. Поэтому, заметив ищеек, я решил пойти ва-банк. Я решил, что если они будут знать, что я их не боюсь и могу обратиться в суд, то, может, призадумаются, стоит ли затевать провокацию в отношении меня.

² Известный датский физик профессор Бор, имевший отношение к работам по созданию атомной бомбы, недавно вернулся из США к себе в Данию. Он был известен как прогрессивно настроенный учёный и убеждённый сторонник международного обмена научными достижениями. 11 августа 1945 года в газете «Таймс» Бор объявил во всеуслышание свою позицию: атомная бомба не может быть монопольным секретом одной державы, только свободный доступ к научной информации может служить гарантией от ядерной катастрофы.

В Венгрии Габору довелось пройти хорошую школу подпольной работы. Поэтому ему удалось провести шпики. Войдя в известный ему бар, писатель вышел через заднюю дверь, пересёк внутренний дворик и осторожно выглянул из-за угла. Он заметил двух человек в припаркованной у тротуара машине, один из которых уже больше часа водил его по улицам. — Кажется, это был автомобиль марки додж, у одного моего соседа была похожая машина. Кажется модель Wayfarer красного или розового цвета. А может кораллового — там было мало света. Я сумел подойти к ним достаточно близко. Двое в автомобиле не подозревали о моем присутствии, они даже не смотрели в мою сторону. И тут я сообразил, что разговор ведётся по-русски! Исмаилов заинтересованно хмыкнул и покачал головой. — Странно. — Меня тоже это озадачило. Я так растерялся, что не понял ни слова из их разговора. Я вытащил блокнот и записал номер машины. Тут один из них заметил меня и хлопнул напарника по плечу, машина с визгом рванула с места и умчалась прочь. — Тебе удалось что-то выяснить? — Машина арендована на имя некоего дантиста Томаса Делби. Мне не удалось найти такого человека. — Как выглядели те двое? Габор дал подробное описание карауливших его мужчин. Странно, но оно вполне подошло бы парочке типов

из морской контрразведки, что недавно навестила Исмаилова. Впрочем, Габор сам признал, что всё происходило вечером, и место было не слишком хорошо освещено.

Игорь снова взглянул на мужчину на пристани, тот уже уселся на скамейку с купленной газетой в руках. Заподозрить в нём шпиика можно было лишь с большой натяжкой. Хотя был момент, когда Исмаилов тоже почувствовал на себе внимательный изучающий взгляд. Габор же был уверен, что стал объектом охоты. — Теперь ты понимаешь, почему я ношу пистолет? У меня плохой опыт общения с секретной полицией. В прошлый раз в Будапеште меня едва не убили нацисты. Тогда меня спасло лишь чудо. На этот раз я намерен постоять за себя. — Ты уже говорил со своим адвокатом? Габор раздражённо повёл плечом: — Мой адвокат тоже считает, что я напрасно волнуюсь. Он поддержал моё намерение уехать; сказал, что на лоне девственной природы, вдали от всех переживаний моя нервная система быстро восстановится, и мир перестанет казаться мне сплошным набором угроз. А ещё он порекомендовал мне хорошего психоаналитика. Только полагаю, что он просто постеснялся сразу направить меня к психиатру. Похоже, он считает меня параноиком. — Вряд ли он так думает, — не согласился Игорь. — Просто он желает тебе добра.

Джордж, странно усмехнулся. — Как говорится, если ты не параноик, это ещё не означает, что за тобой не следят. И наоборот.

Они пожали руки. Игорь повернулся и зашагал к трапу. Неожиданно Габор догнал его и обнял. Прежде у них так было не принято...

— Ты мой единственный настоящий друг — грустно крикнул Габор, когда паром отвалил от причальной стенки.

Игорь хотел бы задержаться на острове ещё хотя бы на пару дней, чтобы поддержать друга, но не мог. Предстояло продление контракта с университетом на следующие пять лет. Отменить давно запланированные встречи было нельзя.

Исмаилов стоял на палубе, пока одинокая фигура на берегу не исчезла из вида. Он твёрдо дал себе слово вернуться через три дня, чтобы вместе с Джорджем выехать в Нью-Йорк и проводить до уходящего в Европу парохода.

Со стороны берега донёсся колокольный звон. Торжественный и печальный гул плыл над волнами...

Надо было чем-то заполнить время: Игорь несколько раз прогулялся вдоль борта, покормил чаек на корме, успел перебраться несколькими репликами с толстым господином. Их начавшуюся беседу прервал оживший репродуктор на мачте.

«Национальная служба рыболовства Флориды сообщает: не менее 37 китов-касаток погибли этой ночью на побережье — заговорило радио приятным баритоном. — Животные по неустановленной причине выбросились на берег». Диктор в студии передал слово корреспонденту, чтобы тот сообщил подробности: «Громадное стадо китов вспенивало воду. Никогда еще эти океанские животные не подходили так близко к берегу. Не сбавляя хода, стадо несло прямо на прибрежные рифы. Они налетели на их острые подводные зубцы. С берега было видно, как море окрасилось кровью агонизирующих касаток. Другие окончили свой путь на отмели, и лежали здесь, издыхая...». Снова заговорил ведущий, который сообщил, что сведения о загадочном явлении приходят в последнее время из разных точек побережья». «Что это — массовое самоубийство?» — этот вопрос был адресован гостю радиостудии, профессору местного калифорнийского Института океанографии Уолтеру Хиггинсу. Учёный не стал спешить с прямым ответом. Вместо этого он стал говорить о том, что этих мощных хищников недаром называют китами-убийцами. Касатки исключительно умелые охотники, которые могут убивать гораздо более крупных китов. Этих хозяев океана бояться даже белые акулы. По сути, у них нет естественных врагов; они занимают место на вершине пищевой

цепочки. Из этого приглашённый эксперт делал вывод: только страх перед неведомой ужасной силой мог заставить касаток в ужасе выброситься на берег...

Седеющий мужчина в тёмном костюме с белой вставкой на стоячем воротнике — баптистский священник скорбно заметил: — Когда что-то серьёзное назревает в мире и в обществе, вначале что-то случается в природе, которая чутко ощущает движения воздуха. Если мы и дальше не будем обращать внимание на посылаемые нам знаки, то всех нас ждёт расплата за грехи политиков и жадных дельцов.

Игорь не стал слушать передачу до конца. Раскалённый солнечный шар в безоблачном небе приближался к зениту, пора было отправляться на поиски прохлады.

В баре уже не было ни одного свободного места. Новый посетитель заказал колу со льдом и приготовился пить стоя. Но тут из-за столика возле иллюминатора поднялся подвыпивший мужичок и, пошатываясь, направился к выходу. Игорь сел на его место, сделал несколько глотков и задумчиво взглянул в иллюминатор. Рядом какой-то лощёный тип с женственными манерами расписывал двум подружкам свой предстоящий отпуск: — Мой агент посоветовал мне этот круиз: коралловые острова, тёплое приветливое море. Одним словом, сплошная

экзотика! Мир и благодать! Так что если существует рай на земле, то он расположен именно там — между экватором и южным тропиком.

Исмаилов недоумённо покосился на соседа: райское место, о котором он говорил, почти десять лет назад было настоящим адом.

Глава 5

*Коралловое море: 7 мая
1942 года, 6 часов 52 минуты
утра.*

— Доедай быстрее, а то опоздаем! Предполётный инструктаж начинается через восемь минут — торопил приятеля Генри Чаппел. На его простецкой лопухой физиономии озабоченность и приятное возбуждение слились воедино. Игорь закивал и принялся ещё энергичней поглощать куски омлета. Он глотал их, почти не разжёвывая. В воздухе стоял аромат кофе и жареного мяса, а ему приходилось заставлять себя есть, ибо в бою силы понадобятся...

Игорь Исмаилов попал на флот прямо со студенческой скамьи. Он был пятикурсником, когда случился Перл-Харбор. Правда он считался очень перспективным студентом и ему чуть ли не со

второго курса уже прочили карьеру университетского преподавателя. Однако сын русских эмигрантов решил, что кое-чем обязан Америке.

Была и ещё причина, не позволявшая ему оставаться в стороне в такое время — его историческая родина — Россия, которую он правда знал лишь по рассказам родителей, обливалась кровью под ударами германских фашистов, а Япония считала себя союзницей Гитлера.

Одним словом, сдав экзамен за первый семестр, Игорь решил записаться добровольцем в морскую авиацию Соединённых Штатов. Месить грязь в пехоте желания не было. Да и романтика неба звала за собой.

Впрочем, всё оказалось не так просто. Служба в военной авиации, особенно морской, считалась очень опасной, и желающие вступить в этот род войск должны были предоставить письменное разрешение своих родителей. Но если в своём отце Игорь почти не сомневался, то про мать знал, что она слишком любит его, чтобы отпустить на войну. Пришлось подделать родительские подписи. Возможно, в другое время обман бы не прошёл, но теперь Америка очень нуждалась в добровольцах, и в призывных комиссиях на многое смотрели сквозь пальцы. Офицеров-вербовщиков и врачей гораздо больше интересовали результаты интеллектуальных

тестов кандидата и состояние его здоровья. Исмаилов же оказался настоящим подарком для военного ведомства: диплом пилота и первые сто часов налёта он приобрёл в университетском аэроклубе (их оплатил отец), так что в какой-то мере парень уже был подготовленным новобранцем.

На авиационной базе в Майями Игоря обучили азам воздушного боя. Инструкторами у курсантов выступали успевшие понюхать пороху ветераны. Интенсивность занятий постоянно возрастала. Каждый день их поднимали до рассвета и с первыми лучами солнца они уже поднимались в воздух. Полёты обычно продолжались до обеда. Затем начинались занятия в классах. А ещё были многочасовые изнурительные физические тренировки, направленные главным образом на развитие вестибулярного аппарата и выносливости. Личного времени у парней практически не оставалось. Им постоянно твердили, что в самое ближайшее время они начнут воевать, а потому об отдыхе и развлечениях придется забыть до лучших времён.

Через два месяца из двухсот курсантов для службы на авианосце было отобрано всего пятьдесят. Их направили для повышенной подготовки в школу морской авиации в Пенсаколу. Обучение посадкам на авианосец началось с

приземлений на ограниченную площадку на аэродроме, размером примерно 20 метров в ширину и 50 метров в длину, обозначенную полосами белого брезента. Тех, кто допустил более трёх промахов, беспощадно отчисляли. Через восемь дней перешли к полётам на предельно малой высоте и минимальной скорости над палубой настоящего учебного авианосца. Параллельно проходили многочасовые полёты в одиночку над морем, когда у тебя нет никаких наземных ориентиров, и остаётся полагаться на несовершенные навигационные приборы в кабине, да на собственную интуицию.

И лишь после этого справившихся курсантов допустили к главному — их стали учить взлетать и садиться на корабль. Дело это оказалось гораздо сложнее и опаснее, чем можно было себе представить. Длина палубы была недостаточной для того, чтобы самолет успевал нормально погасить скорость после посадки. Поэтому его тормозили с помощью специальных тросов. В этот момент все внутренности лётчика оказывались в районе горла, глаза вылезали из орбит; бывало, что на несколько секунд вообще пропадало зрение...

Но прежде требовалось точно зайти на качающуюся полосу с учётом движения корабля, высоты волн и направления воздушных потоков, и суметь точно в нужной точке зацепить трос

авиафинишёра самолётным посадочным крюком. Каждый раз Игорь чувствовал себя сумасшедшим трюкачом, исполняющим запредельный цирковой трюк. Не слишком успокаивало, что на случай, если ты промахнёшься и вылетишь за пределы палубы, ещё остаётся шанс, что самолёт удержит от сваливания в море аварийная сеть.

Вот тут на их курсе начались потери. Двое однокашников Исмаилова разбились, но гораздо больше было списано; многие ушли сами. Игорь и сам в какой-то момент балансировал на грани отчисления. Первая посадка в условиях реального авианосца долго не давалась ему. Дежурный офицер раз за разом давал ему отмашку красным флагом, направляя на следующий круг. И лишь с пятого захода у него получилось...

Однако времени обрести должную психологическую уверенность и овладеть машиной юнцам не оставили. Курсантов готовили в большой спешке, ибо ситуация на фронте складывалась не в пользу Америки.

После уничтожения большей части боевых кораблей Тихоокеанского флота в Перл-Харборе японцы нанесли ещё целый ряд эффектных поражений американцам и их союзникам — англичанам, австралийцам, голландцам и новозеландцам. «Страна восходящего солнца» успешно решала поставленные задачи,

стремительно захватив Филиппины, Сингапур, Голландскую Ост-Индию, Остров Уэйк, Новую Британию, Острова Гилберта и Гуам. К маю 1942 года Империя запланировала захватить Австралию и Новую Зеландию, и окончательно выдворить англосаксов из тихоокеанского региона. Великая богатая Америка находилась на грани унижительного поражения.

Императорский флот превосходил своих противников по количеству авианосцев и в качестве лётчиков. Наконец, их самолёты были лучше. У американских лётчиков быстро развился «синдром Зеро» — панический ужас перед непобедимым истребителем самураев. В схватку с манёвренными «Zero» часто вступали устаревшие и неповоротливые истребители «Буффало» (Brewster F2A), о которых сами американские лётчики грустно шутили: «Если наши командиры отправляют пилота в бой на «Буффало», то они с полным основанием могут вычёркивать его из списков части ещё до того, как шасси самолёта оторвутся от взлётной полосы». В кровавых схватках флотская авиация США несла большие потери и постоянно нуждалась в свежих пополнениях.

В этой ситуации командование посчитало, что готовить молодых пилотов по довоенной программе — непозволительная роскошь.

Гигантская прожорливая военная машина нуждалась в постоянном притоке всё новых и новых людей.

Всего после десяти посадок на палубу, имея за плечами немногим более 70 часов налёта на истребителе, Исмаилов и ещё семеро выпускников его курса получили свои серебряные «крылышки» пилотов и назначение в 17 оперативное соединение на авианосец «Йорктаун».

Глава 6

Огромный корабль ошеломил Игоря своими размерами; новичок с трудом ориентировался в многочисленных коридорах; авианосец можно было сравнить с небольшим городом. И жизнь тут протекала по своим правилам. Во всяком случае дисциплина была не такой строгой, как в «учебке». Начальники и многоопытные сослуживцы — ветераны эскадрильи почти интересовались новичками, их просто оставили в покое. Это было очень неожиданно и вообще-то странно. Вначале лейтенанты-лётчики даже обрадовались неожиданной вольнице. По общему мнению, всему виной была курортная атмосфера, от которой экипаж не может сразу отвыкнуть после довольно продолжительной стоянки эскадры на островах Тонга. Но, приглядевшись, парни обнаружили, что

в других корабельных подразделениях новобранцам поблажек не дают.

Оказалось, их считали пушечным мясом, присланным на убой. Так стоит ли узнавать имя новичка, тратить время на его дополнительную подготовку, коль всё равно велика вероятность, что он не вернётся из первого же вылета? По всем признакам бои с японцами будут жаркие; пилотам предстоит делать по пять-шесть вылетов в день, то есть работать на износ. И уровень потерь соответственно ожидался очень высокий. Игорь даже слышал что-то про 70 процентов.

Одним словом, никто похоже не расценивал новичков всерьёз. Неоперившихся птенцов заранее занесли в ходячие покойники. Парни чувствовали себя низшей кастой и держались вместе. Особенно близко Игорь сошёлся с Генри Чаппелом. Это был простой надёжный парень из маленького городка со Среднего Запада, сын мелкого банковского клерка и учительницы. Они стали не разлей вода; каждый знал про другого абсолютно всё, и не сомневался, что может полностью положиться на товарища.

Большую часть дня вчерашние курсанты проводили на верхней палубе под растянутым от палящего солнца тентом. Собирались своей компанией в небольшом закутке на корме, подальше от глаз начальства. Убивая время за игрой в карты и пустой болтовней не о чём. Себя

они иронично прозвали «Клубом зелёного стручка».

Но по ночам, когда в стальной борт с рёвом бились волны, Игоря часто мучила бессонница и терзали дурные предчувствия. И чем дальше они удалялись в сердце океана, тем тревожнее становилось на душе. Как же он завидовал некоторым своим товарищам, которые имели беззаботный вид, и, кажется, совсем не задумывались о будущем.

Во время похода учебных вылетов почти не было. Авиационное топливо берегли для будущих боёв. Даже на разведку и на обязательное боевое патрулирование командиры отправляли слётанные пары, как правило, состоящие из опытных пилотов. «Они специально не учат нас, чтобы, избавившись от новичков, потребовать надбавки за возросшую лётную нагрузку» — убеждал товарищей Дэннис Йорк. Никто ему не поверил. Слишком дико это звучало. Но Деннис, худенький светловолосый парень с мальчишеским лицом мрачнел с каждым днём, словно предчувствуя свою трагическую судьбу. Он погибнет уже во второй вылете: не справится с управлением при взлёте и, рухнет вместе с самолётом в море.

Но шли недели, и ничего не менялось. Игоря и его сокурсников стала тяготить такая служба. Ведь

ещё недавно они гордились полученным званием пилотов морской авиации, и рвались в бой, а их игнорировали. Равнодушие и глупость командования удручала. Ведь время похода как раз можно было использовать, чтобы натаскать зелёную молодёжь, отработать с ними слётанность в составе пар и звеньев. А значит, увеличить их шансы на выживание!

Втайне молодые лейтенанты всё чаще недобрым словом поминали горделивых индюков за то, что бывалые сослуживцы считают их мало на что годными.

Между тем роковой момент встречи с противником неумолимо приближался. И надо было такому случиться, что командир их авиагруппы накануне ночью попал в судовой лазарет с внезапным приступом аппендицита. Как тут было не поверить в силу коллективных проклятий. Правда в связи с этим возникал вопрос: кто тогда поведёт их в бой вместо выбывшего начальника.

Глава 7

Почти не разжёвывая и не чувствуя вкуса, Игорь проглотил последний кусок омлета с беконом. Кофе был выпит залпом. На инструктаж опаздывать нельзя! Молодой человек подхватил

фуражку и вслед за Чаппелом бросился к выходу из столовой.

У самых дверей сидел человек с погонами лейтенанта-командера. Он был лысоват, большое сильное тело его начало заплывать жирком. Однако над правым карманом форменной рубашки поблёскивала золотыми крылышками нашивка пилота. А ещё у него была борода. Она то и привлекла внимание Исмаилова. Где-то он уже её видел. На флоте командование официально разрешало лётчикам заводить усы и бороды; считалось, что во время высотных полётов они согревают лицо. Но этой привилегией почему-то пользовались главным образом старшие или заслуженные офицеры, многие из которых давно не садились в кабину боевого самолёта.

Бородач, не спеша, резал ножом мясо, накалывал кусочек на вилку и отправлял в рот. Тщательно пережёвывал, явно получая большое удовольствие. Он даже прикрыл глаза, чтобы ничто не отвлекало от процесса. «Будто в ресторане сидит! — со смешанным чувством изумления, досады и даже зависти подумал Исмаилов. — Кому-то из присутствующих, возможно, через каких-то сорок-пятьдесят минут предстоит сгореть в подбитом самолёте, либо пойти на корм рыбам, а этот, вишь как разгурманствовался!».

Ещё из коридора Игорь слышал гул голосов

и понял, что напрасно они с Чаппелом опасались опоздать. В комнате для предполётного инструктажа было накурено. Собравшиеся лётчики болтали в ожидании командования, сидя рядами перед развёрнутой на стене картой. Некоторые успели переодеться в лётные комбинезоны и принесли с собой шлемофоны и прочее снаряжение. На ком-то даже уже был спасательный жилет.

Молодые лейтенанты заняли свободные места, после чего стали глазеть по сторонам и слушать. Сегодня им предстояло боевое крещение, и они жадно наблюдали за тем, как ведут себя «старики».

Каждый старался скрыть волнение и страх, но все делали это по-своему. Некоторые сидели с отстранённым видом, погружённые в собственные мысли... Кто-то, напротив, всячески бодрился и гнал от себя дурные мысли, травя анекдоты или старательно смеясь над чужими шутками. Позади новичков обсуждались несомненные женские достоинства популярной у экипажа медсестры из медсанчасти.

Помимо дамских прелестей, другой популярной темой были слухи, ходившие о японских лётчиках. Мол, все они сплошь фанатики, и потому не надевают парашюты, зато берут с собой в кабину самурайские мечи, как символ готовности умереть за своего императора. — Я вам

говоря, они с детства все чокнутые! — уверял Барри Арденн. — Просто их с детства так воспитывают, что жизнь свою они в грош не ставят. Естественно, что свободный от парашютных лямок самурай считает бронирование и радио ненужным хламом. Зато бывали случаи, когда сбитые японцы оказывались в воде рядом с нашими парнями. И вместо того, чтобы думать о собственном спасении эти психи с криками «банзай!» рубили своими чертовыми мечами головы врагам.

С очередным зашедшим в помещение лётчиком пришла неприятная новость: у двух вылетевших ещё до рассвета самолётов-разведчиков на обратном пути не хватило топлива, и они упали в море. Осведомлённый о случившемся пилот, выкладывав известный ему подробности: — Руперт Джераси из разведывательного звена только что рассказал мне, как прошёл над местом падения одной машины и видел ребят. Все четверо выпрыгнули на парашютах и благополучно приземлились. Они надули спасательный плот, но почему-то не смогли на него взобраться. Руперт говорит, что у него самого керосина в баках оставалось впритык, но он стал делать круги над ребятами, чтобы поддержать их. Он видел, как они цепляются за плот. Это случилось всего в трёх милях от нас. И вскоре их должен был подобрать высланный туда эсминец.

Внезапно один из несчастных резко вскинул над головой руки и исчез под водой. Остальные яростно заколотили руками по воде и пытались забраться на плот. Это были акулы! Штук десять или двадцать. Их тёмные силуэты ходили повсюду. Они окружили парней. Руперт опустил понижe и приказал стрелку отогнать тварей из пулемёта. Да что толку! Последнее что он видел, это как командир экипажа, держась одной рукой за плот, размахивал зажатым в другой руке ножом... — М-да... не хотел бы я оказаться в их положении — подавленно произнёс один из слушателей. Его поддержал другой: — Если уж суждено умереть, то пусть лучше меня убьёт пулей ещё до того, как моё тело окажется в воде. Рассказчик закончил: — Говорят, что командир вернувшегося эсминца доложил, что они подобрали пустой плот, забрызганный кровью. Но им не удалось обнаружить даже останков людей.

После таких историй отправляться на задание стало совсем жутко. В голову Игоря полезла всякая дрянь. И чем усерднее он гнал прочь эти мысли, тем настойчивее они являлись. Уверенность, которую ещё не нюхавший пороху новичок так старательно неделями в себе пестовал, можно сказать растил по крупицам, будто унесло ветром в мгновение ока. Пришло отчаяние: «На что я надеюсь?! С моим то нулевым опытом я вряд ли

доживу до заката».

В комнату вошла группа старших офицеров во главе с командиром авианосца капитаном 1-го ранга Бакмастером. За ним следовали офицеры его штаба и командиры базирующихся на судне эскадрилий торпедоносцев и пикирующих бомбардировщиков «Даунтлесс». При их появлении все встали.

Командир авианосца сжато обрисовал текущую ситуацию: воздушная разведка обнаружила местоположение японской авианосной группы. Принято решение немедленно нанести по ней удар всеми силами авиации. Он надеется на лётчиков и не сомневается, что каждый из них выполнит свой долг. Всё было ясно. Но по-прежнему в воздухе висел вопрос: «Кто же поведёт истребителей?».

Командир авианосца как-то странно взглянул на дверь и повернул озадаченное лицо к своему помощнику. Тот склонился к уху начальника и что-то зашептал. Выслушав, Бакмастер немного отстранился от адъютанта, смерил его удивлённым взглядом, что-то переспросил.

Что-то явно шло не так. В лёгком смущении Бакмастер озвучил имя нового командира истребителей, добавив, что тот задерживается в связи с важным делом, связанным с планированием намеченной операции, и вот-то появится. В этот

момент Игорь услышал за своей спиной: — Джон Тич! Ого! Лучшего флагмана, чем «Чёрная борода» и желать нельзя. И как только старый скряга Шерман³ согласился отпустить своего лучшего форварда от себя, а не прислал кого похуже? Ему ответил другой голос: — Наверное, не обошлось без вмешательства самого Командующего. Нам повезло, что адмирал Флетчер держит свой вымпел на «Йорктауне». Считай, мы получили Тича по большому благу. — Да, пожалуй, ты прав... Нам то повезло, а вот начальству — вряд ли. Оба понимающе прыснули со смеху.

Игорь вдруг вспомнил, где прежде видел бородатого мужика из столовой: «Тич! Ну, конечно же!!! Он приезжал в Пенсаколу на выпуск их курса, — наверное, присматривал себе молодых лётчиков». Игорь видел его в группе наблюдателей во время экзаменов. Из этого напрашивался неутешительный вывод: нынешние зелёные пилоты «Йорктауна» не подошли тогда «Чёрной бороде». Между тем складывающаяся оперативная обстановка требовала присутствия командира авианосца на капитанском мостике. После его ухода с коротким сообщением выступил начальник

³ Капитан 1-го ранга Шерман — командир авианосца «Лесингтон».

разведки. За ним слово взял представитель метеорологической службы, сообщивший данные о погоде по всему маршруту следования к цели.

После этого к карте стали выходить командиры эскадрилий и ставить задачу своим подчинённым. Всё это время истребители ёрзали в своих креслах и поглядывали на дверь.

Наконец там появилась массивная фигура бородача. При его появлении все встали. Вскочили даже старшие офицеры. Хотя по их смущённым физиономиям было заметно, что они и сами не поняли, что заставило их вытянуться отнюдь не перед адмиралом.

Небрежно поздоровавшись, бородач неспешной походкой прошёл к доске, внимательно оглядел начертанные мелом схемы, чему-то улыбнулся и сказал: — Извиняюсь за опоздание, но здешний повар, которого я попросил приготовить на завтрак сырой стейк с кровью «Тартар», оказался полным «тормозилой». Этот деревенский увалень потратил на такое простое блюдо целую вечность. Рендел Чемпион с «Лесингтона» мог бы за это время накормить половину команды.

Заметив недоумённые взгляды, Тич пожал плечами и небрежно пояснил: — Я всегда ем перед боем «Тартар». Такое у меня правило. Кстати, это было любимое блюдо «Бича Божьего» — Атиллы, и Чингисхана тоже. Перед боем оба подонка

непременно желали вкусить сырого мяса с кровью.

Новый командир истребителей и сам выглядел обаятельным подонком: фигура немного потерявшего форму боксёра-тяжеловеса, густой голос, сломанный нос и прорва бандитского обаяния.

Тич снова пожал плечами и сделал галантный жест в сторону докладчика, чью речь он прервал своим появлением: — Продолжайте, сэр, прошу вас.

Было оговорено, в каком порядке группы подходят к цели, кто в какой очередности атакует, и кто обеспечивает прикрытие. Истребителям было особо сказано, чтобы они старались не ввязываться в манёвренные бои с более верткими «зеро». Весь прошлый опыт показывал, что выйти победителем из «собачьих свалок» с японцами практически невозможно.

Худой и желчный начальник разведки с нездоровым цветом лица, будто его мучила жёлтая тропическая лихорадка, ещё раз подчеркнул, что перевес сил почти полностью на стороне противника: — Поэтому мы сделали расчёт на внезапность. Постараемся застать противника врасплох — нанесём по нему неожиданный удар и сразу отступим. Если сработает — всё повторим. Эти слова вызвали неодобрительный гул среди части истребителей. — Спокойно! — неожиданно

резко рывкнул Тич и вскинул руку. Гул сразу стих, все глаза уставились на командира. — Вы не так поняли, братья — голос «Чёрной бороды» вновь стал спокойным. — Никто не сказал, что мы слабее. За нами самая мощная держава в мире. Я уверен, вы понимаете, что хвалёные «зеро» — пустяк для охотников. Их опасность раздули газетчики и обмочившиеся в штаны паникёры. Я шесть раз сталкивался с зеро лоб в лоб и берусь утверждать, что они далеко не так неуязвимы.

Да, «бандиты» пока превосходят нас кое в чём: их не так просто поймать в прицел, вооружение у них неплохое. Но зато их лётчики не защищены бронёй, а топливные баки «зеро» не самозатягивающиеся. Все японские самолёты отличает крайне низкая живучесть, которая принесена в жертву хорошей манёвренности. Я убедился в этом ещё в Китае, когда был «тигром»⁴. Даже в боевом уставе японской армии официально закреплено, что воину империи положено думать лишь о том, чтобы табличка с его именем после смерти оказалась в храме героев. А забота о

⁴ Речь идёт о добровольческом (фактически укомплектованном наёмниками-американцами) военно-воздушном подразделении, воевавшем на стороне Китайской республики против японцев в 1941 году.

безопасности брэнного тела противоречит самурайскому кодексу чести Бусидо. Тич считал, что азиатскому фанатизму можно и нужно противопоставить одновременно европейский прагматизм и восточное коварство: — Их главная проблема заключается в том, что после всех своих побед они стали слишком самоуверенными и утратили изрядную долю осторожности.

Тут «Чёрная борода» сделал небольшое отступление в историю: — Знаменитый Джеймс Батлер Хикок, известный как «Дикий Билл», — гроза западных территорий, неистовый стрелок и игрок в покер, один-единственный раз в жизни сел в салуне вопреки собственным правилам — спиной к двери — это произошло 2 августа 1876 года. Легендарный ганфайтер, не проигравший ни одной перестрелки, был убит выстрелом в голову местным пьяницей Джеком Макколом. Комбинация карт, которую «Дикий Билл» в тот момент держал в руке, получила в покере собственное название: «рука мертвеца»...

С тех пор ничего не изменилось. Ни на йоту. Лучший воин может стать жертвой коварства. Я никогда не слышал о таких войсках, что устояли бы перед ночной атакой с тыла. Каким бы искусным воином вы не были, сколько бы оружия ни носили с собой, — если вас внезапно ударят сзади по голове, вам уже ничего не поможет. Поэтому мы должны

максимально использовать фактор внезапности для первого удара. Однако никто не сказал, что мы настолько боимся врагов, что всегда будем избегать открытой схватки.

Эти слова вызвали волну одобрения среди слушателей. — В этих широтах темнеет рано — продолжал Тич. — Около 18:00 по местному времени солнце неизменно скрывается за горизонтом. «Чёрная борода» взглянул на синоптика, будто призывая его в свидетели. И продолжил с неожиданной поэтичностью: — Да, темнота наступает быстро. В почти абсолютном безветрии море слабо фосфоресцирует, предательски выделяя на матовом фоне мелких пологих волн кильватерные следы кораблей. Небо заполнено огромными, яркими созвездиями: на севере у самого горизонта блестит Полярная звезда, напротив неё поднимается над океаном Южный Крест. И никто... Повторяю: н-и-кто-о, братья! Не посмеет помешать нам драться под звёздами, если к тому времени не все японские авианосцы и их лётчики будут покоиться на морском дне.

Окончание речи потонуло в дружном боевом кличе. Многие вскочили со своих мест. На искажённых лицах играла ярость. Пилоты воинственно вскидывали руки, выкрикивали угрозы в адрес неприятеля. Игорь никогда ещё не наблюдал ничего подобного. Он сам теперь жаждал

поскорее оказаться в бою.

Тич некоторое время с удовлетворённым видом наблюдал за произведённым эффектом. Он стоял, скрестив руки на груди; на губах его играла лёгкая улыбка. Но вот рука его снова взлетела вверх, призывая к спокойствию. — Итак, джентльмены! Я призываю вас проникнуться чувством гордости. Ведь нам выпала честь пустить врагу кровь. Именно поэтому я здесь с вами.

Тич сообщил новость, о которой никто ещё не знал. Оказывается, больше половины всех имеющихся истребителей командующий соединением пока намерен держать в резерве для защиты авианосцев. Сопровождать ударную группу торпедоносцев и пикировщиков отправляются только истребители с «Йорктауна». — Да, на стороне противника будет численный перевес, — согласился с одним из предыдущих выступавших Тич. — Зато, — прибавил он, обращаясь к молодому пополнению, — вам выпала честь летать на лучших в мире самолетах, способных выдержать любой удар (речь шла о полученных перед самым выходом в море трёх десятках новейших Grumman F4F «Уайлдкет»). Кроме того, у японцев мало хороших лётчиков, владеющих тактикой современного воздушного боя. Они — примитивные азиаты.

И первое, и второе было откровенной ложью.

Зачем Тич их обманывал? Видимо, понимая, что посылает мальчишек почти на верную гибель, хотел хоть как-то вдохнуть в них уверенность.

Глава 8

Брифинг закончен, пора идти к самолётам. Игорю пока предстояло оставаться в резерве. А вот его ближайший друг Генри Чаппел отправлялся в бой в числе первых. Приятель насвистывал популярную песенку, он явно пребывал в приятном возбуждении.

На палубе утренняя прохлада почти не ощущалась, парней обдавало жаром от прогреваемых авиационных двигателей. Возле самолётов сутились техники. Молодые лейтенанты с любопытством оглядывались по сторонам. Человек двадцать, взявшись за крылья, толкали тяжёлый торпедоносец. Самолёт только что подняли на лифте из ангара, расположенного несколькими этажами ниже — в чреве авианосца. Восседающий в кабине старшина дирижировал матросами, показывая, куда следует поставить машину.

По палубе разбежался и взлетел разведчик. Пилот лихо развернул машину и низко, с рёвом прошёл над головами, покачивая крыльями. Игорь ненароком взглянул на приятеля. А у того в глазах

восторг полный: эге-гей, вот она — настоящая жизнь! — Посторонись! — вдруг раздался сердитый оклик.

Мимо молодых пилотов прогремела колёсами по стальным плитам тележка с 250-килограммовой авиабомбой для пикирующего бомбардировщика «Даунтлесс».

Впрочем, как не жарко и тесно тут было, как не воняло керосином, здесь на палубе всё же был рай по сравнению с предстоящим холодным одиночеством над океаном...

Игорь почувствовал позади себя чьё-то присутствие ещё до того, как услышал голос Джона Тича. — Если отстанете от группы и потеряете ориентировку — искать вас не станут. У старины Бакмастера (капитан 1-го ранга Бакмастер был командиром авианосца) сегодня будет полно других забот, чем прочёсывать океан в поисках юнцов, бездарно угробивших свои самолёты.

Повернувшись, Игорь увидел массивную фигуру командира. Он покачивался на своих крепких, как столбы ногах в такт колебаниям палубы. На фоне восходящего солнца бородач смотрелся зловеще. — Мы не подведём вас, сэр! — ответил за них обоих Генри и бросился занимать место в кабине своего самолёта. Исмаилову пока бежать было некуда. Он растерянно топтался рядом с командиром, ища, куда бы притулиться, лишь бы

оказаться подальше от грозного пирата.

К Тичу подошёл один из ветеранов эскадрильи, рано поседевший мужчина лет тридцати. — Хорошая речь, Тич, — сказал он, имя в виду недавно закончившийся инструктаж. — Только вот что я тебе скажу, старина: тиграми в Китае мы ни чёрта не боялись япошек. Но с тех пор они научились воевать. Седой взглянул на горизонт: — У меня нехорошее предчувствие... А что если они уже всё знают и приготовили нам западню? Тич равнодушно качнул головой. — Туман войны, Риджи. Никто не может знать наверняка, что он скрывает.

Игорь успел заметить, что, не смотря, на отношение других летчиков, преклоняющихся перед ним, Тич редко достаивал кого-то своей дружбой. Обычно он носил маску холодной сдержанности, скрывающую его истинные чувства. Впрочем, Игорь ещё недостаточно хорошо знал нового командира.

Уже почти рассвело. Над палубой взлетели и заполоскались на ветру вымпелы. На одном из них — чёрного цвета — был изображён скелет с саблей и кинжалом в руках. Это был личный флаг Чёрной бороды. Самолёты один за другим начали взлетать. На высоте нескольких тысяч метров они построились и взяли курс на японскую эскадру.

Потянулось время ожидания новостей.

Глава 9

Неожиданно из громкоговорителя над палубой раздался голос ведущего ударной волны: «Они под нами! Атакуем!». Грохот разрывов и возбужденные крики пилотов слились в эфире в один общий вой.

Вскоре из радиорубки пришло радостное известие: пикирующие бомбардировщики нанесли удар по японскому авианосцу, добившись не менее четырёх попаданий. Поднятые на перехват «Зэро» попытались атаковать американские бомбардировщики, но четверо из них тут же были сбиты нашим истребительным прикрытием. По палубе прокатилось дружное «ура!».

Примерно через сорок минут начали возвращаться пикировщики. Дул слабый ветерок, и «Йорктаун» смог принять их, не меняя курса. Все бомбардировщики сели благополучно. Боевые потери составили всего две машины. Но истребители задерживались.

Наконец, вдали появился одиночный «уайлдкэт». Приближаясь, он заваливался то на одно крыло, то на другое. Самолёт был изрешечён пулями и осколками, часть обшивки крыла была сорвана так что обнажился каркас. Пилоту всё же удалось совершить посадку. Но из кабины его

пришлось извлекать. Перед тем как потерять сознание лётчик сообщил, что на обратном пути они были внезапно атакованы дюжиной «зэро», возникших со стороны солнца. Самураи оказались искусными мастерами. С первого захода они сбили четверых наших, его ведомого тоже подожгли. Что было дальше, раненый не знает.

Прошло ещё 17 минут. Голос из громкоговорителя объявил: «С северо-востока приближаются самолеты противника, расстояние 13 миль. Всем приготовиться к бою!». Расчёты многочисленных зенитных орудий начали энергично вращать маховики наводки, греметь затворами. Все, кто находился на верхней палубе, впились глазами в горизонт, откуда вот-вот должны были появиться японцы. Кто-то крикнул: «А вот и они, твари!» На синем горизонте, озаренном лучами солнца, показались светящиеся точки. Загрохотали первые выстрелы — это открыли огонь корабли прикрытия. В небо полетели сотни трассирующих снарядов, оставляющих за собой ослепительно-яркие шлейфы. Зенитный эсминец «Бенсон», идущий на некотором удалении от «Йорктауна», палил из пушек так неистово, что со стороны казалось, будто на его борту вспыхнул сильный пожар.

И вдруг громкоговоритель буквально взорвался от крика: «Прекратить огонь! Не

стрелять! В воздухе свои! Группе живучести и пожарной команде приготовиться!».

Канонада разом смолкла. Наступила невероятная тишина, которую вскоре нарушил гул моторов приближающихся самолётов. Истребители начали садиться. Почти все они были сильно потрепаны в недавней схватке.

Одним из первых сел Тич. Выбравшись из кабины, командир схватил сигнальные флажки и бросился лично руководить посадкой остальных. Но даже ему не удалось предотвратить катастрофу. Чей-то самолёт на пробежке врезался в надстройку мостика...

Игорь видит, как разлетаются обломки и куски тел, брызжет, подобно струям из огнёмёта горящее топливо. Бегущие люди сгорают, словно спички.

Палубу затягивает едким дымом. Воздух наполнен парами керосина и смрадом палёного мяса. Но остановить посадку невозможно: в небе кружатся самолёты, у которых на исходе горючее.

Новая катастрофа не заставляет себя долго ждать: в центре палубы кружится волчком и валится за борт другой уалйдкет. Там, где он упал, поднимается гигантский фонтан воды, который накрывает большую часть палубы. Игорь с ужасом думает об оказавшемся в воде пилоте: «Успел ли он выбраться?».

Но всего через секунду новая трагедия заставляет Исмаилова забыть обо всём.

Один из истребителей приближается, едва не касаясь воды. За ним тянется дымный след. Временами самолёт начинает резко крениться и кажется, что теперь ему точно конец. Но агония продолжается...

Все уверены, что сейчас последует удар в борт авианосца. Тич взбегает на прожекторную площадку и оттуда бешено размахивает посадочными флажками. Ему удаётся привлечь к себе внимание пилота, потому что самолёт начинает выравниваться. Лётчик выпускает шасси и закрылки. Игорь замечает большую цифру восемь на фюзеляже истребителя. Это Генри Чаппел! Он всё-таки вернулся! Весь мир для Исмаилова сужается до самолёта друга.

Посадка больше напоминает падение. Одна стойка шасси подламывается при ударе о палубу. Машину юзом тащит по полосе, самолёт едва не переворачивается...

Игорь первым подбежал и вскарабкался на крыло «уайлдкэта». Стекло, за которым лётчик, разбито и забрызгано изнутри кровью. Колпак фонаря заклинило. Но подоспевает помощь и общими усилиями удаётся вскрыть кабину. Генри буквально плавает в собственной крови. Голова Чаппела безвольно свешена на грудь. Игорь

перегибается через борт и отстёгивает привязные ремни и обвязки парашюта. Лётчика выволакивают наружу и осторожно кладут на носилки. Над тяжелораненым склоняется врач. Однако быстро выпрямляется. На озабоченном лице врача появляется выражение скорби. Доктор вздыхает и снимает с головы фуражку. Судовой капеллан начинает читать молитву. Чапела больше нет.

Исмаилов чувствует, как по щекам его текут слёзы. Он ниже склоняет голову, чтобы никто этого не заметил. Но кроме капеллана рядом уже никого нет, все разошлись по своим делам. Трагедия отдельного человека мало что значит на фоне разворачивающейся грандиозной битвы. Техники спешно заправляют вернувшиеся самолёты, пополняют на них боезапас. Объявлено, что через пятнадцать минут в воздух должна подняться вторая волна самолётов.

Игорь вытащил из нагрудного кармана друга непромокаемый пакет с прощальным письмом к родителям. Точно такое же написал и он сам.

В этот момент к Исмаилову подходит лётчик с крупными резковатыми чертами. Кажется, это у него несчастный Генри был ведомым. Мужчина что-то спрашивает, но Игорь находится в таком состоянии, что плохо соображает, что ему говорят. Мужчина хмурился и отходит. Молодой человек слышит, как он говорит Тичу:

— Я не полечу с ним. — Почему? — Посмотри, парень не в себе. — У меня нет для тебя другого ведомого, Квайл. — Послушай, Джон, с меня хватит и одного снукера⁵ на сегодня. Я хочу снова увидеть свою семью. Короче, мне нужен кто-нибудь поопытней. — Хорошо, я тебя понял, Квайл. Бери моего ведомого, а с новичком полечу я.

Глава 10

Игорь взволнованно пытался объяснить, что не хочет быть никому обузой. Тич слушал недолго. — Послушай, сынок, — сказал он, и морщины на его лице проступили глубже и резче. — Накануне своего первого боевого вылета я страдал животом, и добряк-врач предложил освободить меня от полётов. Но я ответил, что пусть лучше обосрётся в воздухе и мне придётся убирать за собой кабину, чем останусь на земле, и всю оставшуюся жизнь буду чувствовать себя полным дерьмом.

Тич оглянулся, чтобы убедиться, что их никто не слышит, и продолжил: — Это я к тому, что если ты ищешь повод для того, чтобы не лететь, то так и

⁵ так в британской армии называют молодых кадетов-первогодков/

скажи об этом прямо. Обещаю, я не стану тебя принуждать. Я даже постараюсь, чтобы никто об этом не узнал. Думаю, что смогу добыть тебе какую-нибудь канцелярскую должность. — Нет, нет, я этого не хочу! — поспешно воскликнул молодой лётчик.

Они некоторое время смотрели друг другу в глаза. Тёртый жизнью ветеран словно пытался заглянуть ему в самую душу. Растерявшемуся юнцу удалось то, что подчас не удавалось матёрым бойцам — он смог выдержать пронзительный взгляд ярко-синих глаз Тича и не отвести взгляда. — Тогда не засирай мне мозги перед боем, сынок! — со зловещей ласковостью в голосе хрипло прорычал ас. — Иди лучше к машине, хорошенько всё проверь, и помолись своим богам, коль останется минутка.

Механик в заляпанном маслом выцветшем комбинезоне пытался успеть отмыть кабину от крови за оставшиеся до вылета минуты. Он сообщил новому лётчику, что баки заправлены керосином под завязку, боекомплект для пушек и пулемётов пополнен. Игорь поблагодарил и покосился на бурые пятна на сиденье и кровавые отпечатки на приборной доске. Оттуда же ему улыбалась девушка с фотографии, которую Генри прицепил сегодня утром — на счастье. Это была подруга Чаппела — Джейн. Механик хотел убрать

фотографию, но Игорь не позволил.

Из палубных громкоговорителей раздался четкий голос командира авиационной боевой части: «Всем отойти от пропеллеров... Включить двигатели...».

Глава 11

*8 июля 1947 года.
Неподалёку от побережья
Калифорнии*

Примерно в полумиле по течению дрейфовало что-то похожее на полузатопленное судно. Паром изменил курс и направился туда. Когда подошли ближе, в воздух взвилась стая морских птиц. В воде плавало нечто огромное и зловонное.

Это была туша огромного кашалота или кита иной породы. Капитан решил развлечь пассажиров впечатляющим зрелищем и приказал застопорить машину.

Возле борта поглазеть на диковинное зрелище собралась толпа. В голубой прозрачной толще можно было хорошо рассмотреть погибшее животное. Кит выглядел так, словно угодил под винты огромного корабля. Он напоминал огромный огрызок.

Звучали разные версии. Кто-то считал, что это работа китобоев. Просто раненый гарпуном кашалот сумел уйти на большую глубину (кашалоты способны погружаться на глубину более двух километров и оставаться под водой более полутора часов), и промысловикам пришлось обрубить канат. Позже животное издохло и всплыло на поверхность.

Кита могли убить и по ошибке. Метод эхолокации, позволяющий находить субмарины, пока ещё был не слишком надёжен. В результате очень часто глубинное бомбометание применялось военными по крупным морским животным. В прессе также писали, что экипажи некоторых кораблей и самолётов имели приказ в целях тренировки открывать огонь по обнаруженным китам.

* * *

В порту Исмаилов случайно стал свидетелем того, как какой-то человек договаривается с владельцем небольшой парусно-моторной шхуны отвезти его к месту обнаружения мёртвого кита. — А, этот тот дохлый горбач, — понимающе кивал хозяин лодки. — Мили три в море. Сто пятьдесят долларов.

Клиент явно сильно спешил. Он подкатил на

такси, и вид у него был рассеянный и одновременно решительный, как у человека, все мысли которого устремлены на одну цель. Не удивительно, что хозяин лодки это почувствовал и ломил цену.

— О'кей, — мужчина протянул моряку несколько бумажек. Он достал купюры из клеёнчатого кошелька, который висел у него на шее на длинной тесёмке. Так младшие школьники носят обеденные деньги. Лицо этого человека показалось Игорю знакомым. Он определенно уже где-то видел этот энергичный взгляд, оттопыренные уши. Лоб у него был, пожалуй, более высокий, чем у большинства людей. А нос такой выдающейся формы, что его обладатель просто обязан был обладать феноменальным любопытством и совать его повсюду. И голос... Исмаилов мог поклясться, что слышал его раньше. — Ещё одно, — будто спохватился лопоухий хозяину шхуны. — По пути никакого мотора, мы пойдём туда под парусом. — Да что вы такое говорите? Это же займёт прорву времени! А время — деньги. Хотите, чтобы я лишился другого заработка? Оставьте себе ваши доллары. — Хорошо, плачу вдвое. Половина сразу. Моряк внимательно осмотрел незнакомца с ног до головы. — Ладно, сэр, значит, три сотни. А теперь скажите, почему не надо мотора? Лопоухий умник впервые улыбнулся и загадочно произнёс: — Кто умеет стать тихим, того даже смерть минует.

Больше вопросов хозяин лодки странному чудаку не задавал.

В такси Исмаилова осенило. Ну, конечно же! Похоже, этот голос он слышал на пароме. Он принадлежал приглашённому в студию радиостанции эксперту по морским животным. Вот только фамилию коллеги-профессора Исмаилов не запомнил.

И всё же ощущение не до конца разгаданной тайны осталось, ведь помимо голоса и лицо этого господина он точно где-то видел раньше.

В последующие дни Исмаилов был очень занят в университете. Тем не менее, периодически возникали беспокойные мысли о друге: «Как он там один на своём острове?».

Однако выкроить время для совместной поездки в Нью-Йорк никак не получалось. Пришлось звонить и переносить встречу. — Не беспокойся за меня. Мне выписали хорошее лекарство, так что шпики перестали мерещиться мне на каждом шагу, — бархатистый голос Габора в телефонной трубке был полон добродушной самоиронии. — Зато я снова стал обращать внимание на хорошенькие женские ножки. Мне это по вкусу, хотя Зою это вряд ли обрадует. Как, разве я тебе не говорил? Я померился с женой по телефону. Она будет встречать меня во Франции.

В Швейцарию поедем вместе. Зоя уже

забронировала номер в хорошем семейном пансионате...

И вообще, — в конце разговора Джордж усмехнулся, — я, видимо, буду жить вечно. Одна гадалка в юности напророчила мне, что вообще не видит меня в гробу.

После этого разговора Исмаилов как-то сразу успокоился, и несколько дней почти не вспоминал о друге. Всё разом изменил один случайный разговор.

За обедом они сидели небольшой компанией в университетском кафетерии. У коллег зашёл разговор о недавно пропавшем члене Палаты представителей конгресса Моррисе Элтхаузе, который с семьей и друзьями проводил время на личной яхте возле побережья. Об этом сейчас много писали в прессе. Игоря эта тема не могла не заинтересовать, ему сразу вспомнился визит двух флотских контрразведчиков.

Оказывается, незадолго до своего исчезновения политик публично пообещал выступить с докладом на специальных слушаниях в конгрессе. Вроде бы даже благодаря ему должна была появиться резолюция конгресса о порабощённых народах. Имелось в виду население прибалтийских республик, украинцы. А также жители территорий, насильственно присоединённых к СССР по соглашению с союзниками, которое было достигнуто в конце

войны. Сенатор будто бы хотел поставить под сомнение существование самой ялтинско-потсдамской системы, на основе которой был выстроен послевоенный мир и благодаря чему поддерживался хрупкий баланс между коммунистическим Востоком и капиталистическим Западом.

Об этом своём намерении политик рассказал в интервью «Вашингтон пост». Элтвауз сообщил, что «намерен открыть глаза общественности на то, что делается в Советском Союзе, с которым у Америки слишком хорошие отношения последние годы». По его словам, власти СССР скрывают информацию о грандиозном голоде в своей стране. Между тем, по его данным, в этом 1947 году голод достиг пика. Число жертв приближается к двум миллионам. Больше всего умерших в России — до 700 тысяч человек, а также в Молдавии и на Украине. Поступают сведения о массовых случаях каннибализма. Американский Красный крест уже поставил в этом году СССР грузов гуманитарной помощи на 31 миллион долларов. Из Швеции, Дании и других европейских стран тоже посылаются продовольствие. При этом СССР продолжает закупки иностранного оборудования, особенно для тяжёлой и военной промышленности. И делается это, якобы, за счёт хлебопоставок. Ибо это главный источник валюты. В этом году СССР вывез больше

3 миллионов тонн зерна, как в 1938–1940 годах вместе взятых.

Элтхауз был готов потребовать создания специальной парламентской комиссии для расследования массового геноцида в СССР. Коллеги и помощники конгрессмена уверенно заявляли прессе, что он собирался по возвращению из отпуска добиваться введения экономические санкций против СССР. И даже приостановить членство СССР в ООН. Не то, чтобы это был глас вопиющего в пустыне, но у многих ещё свежи были воспоминания о Сталинграде и Нюрнберге. Тем не менее, Элтхаузу удалось разжечь скандал, и добиться слушаний по этому вопросу в Сенате.

Но скандальный доклад не состоялся, так как Элдхауз просто испарился. И никто из его коллег при всём своём желании не мог продолжить расследование, ибо вместе с политиком исчезли документы, с которыми он работал в последнее время. Перед мысленным взором Игоря возник чёткий образ двух жёлтых папок в кабинете Габора. Они лежали отдельно, и потому обращали на себя внимание. На них точно имелась фамилия Элтхауз. Не исключено, что они содержали материалы для какого-то доклада. «И как только я не вспомнил о них в разговоре с флотскими контрразведчиками?!» — удивлённо подумал Игорь. И решил, не откладывая, позвонить другу. К счастью, писатель

был дома. — Привет, Габи! Кажется, я начал кое-что понимать... Это не паранойя, Джордж. Ты оказался прав. — Я рад, что ты это понял, — ответил Габор, и в голосе его прозвучала улыбка — немного усталая, застенчивая и идущая от самого сердца. Так обычно улыбаются только дети. — Давай я к тебе приеду? — Спасибо за заботу, друг. Но в этом действительно нет необходимости. Паромы на материк ходят регулярно, всего пара часов в море — не бог весть какое путешествие. Потом мне надо будет завершить кое-какие дела с издательством, ещё тут кое с кем встретиться...

Ты тоже спокойно заканчивай свои дела. Предлагаю встретиться в Нью-Йорке за день до моего отъезда. Нам надо славно отметить мой отъезд, потому что в Европе Зоя возьмёт меня, как у вас русских говорят: «в ежовые перчатки».

Глава 12

Вечером позвонила Нэнси Кологан и сообщила, что её любимая тётушка оказалась в госпитале.

— Ты не мог бы отвезти меня, а то моя машина в ремонте?

— Охотно, — ответил Игорь, и подумал, что, может быть, эта поездка спасёт их гибнущие отношения.

Тётушка Нэнси проживала в городке Санта-Круз в ста километрах от Сан-Франциско. По дороге Нэнси завела давно назревший разговор:

— Послушай, Крэг, почему бы нам не попробовать пожить вместе? — спросила она и по его глазам осознала нелепость своего вопроса. Нэнси не могла понять причину его странной рассеянности, появившейся в последнее время. Они реже стали встречаться, а когда это всё же случалось, Исмаилов невпопад отвечал на вопросы, подолгу задумчиво молчал, и ни дансинги, ни секс, ни её новые наряды, на которые Нэнси тратила своё небольшое секретарское жалованье, его не радовали. Ему явно стало смертельно скучно рядом с ней.

По пути они заехали в ресторанчик. Исмаилов понимал, что Кологан ждёт от него прямого ответа, ёрзал на стуле, нервничал и беспрерывно курил. Образ другой женщины, который ещё недавно казался таким далёким и зыбким, не шёл у него из головы. Перед глазами проплыл образ, как они целуются с той женщиной. Яркое ощущение счастья, от которого электричество пробегало по телу, снова овладело им. Рыжеволосая островитянка похожа на утреннее солнце, от неё веет каким-то особым, светлым, романтическим счастьем, запахом, который молодой лётчик к моменту их встречи почти забыл...

Оскорблённый голос Кологан возвращает Исмаилова в реальность: — Милый, — поинтересовалась она ядовито, — ты случайно не забыл о моём существовании? С чувством вины Игорь поднял бокал шампанского: — За нас!

Залпом выпил, налил себе ещё и незнакомым деревянным голосом, стараясь не смотреть Нэнси в глаза, признался, что не смог отказать приятелю, который поссорился со своей женой и попросился несколько недель пожить в его доме. Это была ложь. И следовало признаться себе, что, гоняясь за призраками, он своими собственными руками, закапывал всякую надежду на нормальное будущее. Ведь с Нэнси он мог начать нормально жить одним домом: завести полноценную семью...

Игорь оставил подругу в госпитале, а сам поехал заправить машину. Залив полный бак, Исмаилов зашёл в магазинчик при заправке. — Эспрессо, пожалуйста, — попросил он. Получив заказ и расплатившись, мужчина опустился за ближайший столик и стал неспешно потягивать кофе. Через прозрачное стекло открывался великолепный вид на океан.

Практически сразу его внимание привлекла странная группа на пляже. На них невозможно было не обратить внимание. Эти люди как будто сошли с ума. Точнее свихнувшейся выглядела

только полная женщина лет пятидесяти в чёрном платье и в чёрной косынке, а бывшие с ней трое мужчин и две женщины явно пытались её успокоить и вразумить. Некоторое время все они разговаривали. Вдруг женщина в чёрном вырвалась из живого кольца и бросилась к воде. Причём с ловкостью и быстротой весьма удивительными при её возрасте и комплекции. Словно профессиональный нападающий в американском футболе толстушка ушла из-под опеки защитников и достигла прибоя.

Её едва успели нагнать, взяли под руки и очень вежливо отвели подальше от воды. Но через несколько минут последовала новая попытка утопиться. Растрёпанные волосы на голове безумной колыхал ветер, платье её намокло и порвалось. На третий раз ей удалось повалить одного из преследователей и забежать в набегающую волну почти по грудь. Здесь она вцепилась в лицо рыжему здоровяку. Но вовремя подоспели другие. Мужчинам пришлось на руках вытаскивать бьющуюся в истерике женщину на берег. По пути толстуха била их и кусала, но удивительное дело, эти люди покорно сносили всё. — Несчастливая Эльза совсем спятила после исчезновения сына: каждый день такое повторяется, — это сказал продавец. Засмотревшись, Игорь не заметил, как тот вышел

из-за стойки и оказался рядом. Печально глядя в том же направлении, гигант с широким розовым лицом и белой шведской бородкой вздохнул: — И врагу такого не пожелаешь. Продавец покосился на посетителя и, убедившись, что тому интересно, пояснил: — Её сын исчез около двух недель назад. Он работал тут неподалёку — в супермаркете. Закончил ночную смену и отправился домой. Никто не видел, что произошло дальше. Один здешний любитель утренних пробежек обратил внимание на аккуратно сложенную одежду на берегу, и вызвал полицию. Вместе с Робинотом исчезла девушка, только она неместная. Их машина стояла в трёхстах метрах на шоссе.

Напоминающий викинга, торговец снова вздохнул и вернулся к стойке. Игорь почувствовал, что должен что-нибудь купить ещё, если желает услышать продолжение. — Будьте добры: сэндвич и банку газировки.

Продавец удовлетворённо промычал и застучал по клавишам кассового аппарата; не отрываясь от своих обязанностей, он украдкой взглянул на клиента: — Говорят, что Робин утонул. Якобы его могло унести отбойным течением!

Белобородый «викинг» презрительно хмыкнул. — Только у нас всем известно, какой это был первоклассный пловец. В прошлом сезоне Робин даже подрабатывал на городском пляже

спасателем. — Первоклассные пловцы тоже иногда тонут, — заметил Исмаилов. — Например, можно попасть в отбойное течение, — это что-то вроде зыбучих песков — говорят, коварная штука. Я читал про одного человека, которого так унесло далеко в море, когда он вошёл в воду лишь по пояс.

Это сработало, потому что продавец перестал заниматься своими делами и внимательно взглянул на посетителя; произнёс с некоторым укором: — Вот-вот, и вы туда же... Игорь недоумённо поднял брови. Лицо продавца сложилось в скорбную мину. Он многозначительно покачал головой, давая понять, что дело тут гораздо серьёзней. — Это ведь уже не первый случай... На побережье пропадают люди! Только полиции велено пресекать панику. Всё списывается на несчастные случаи. Только правды не утаишь. У нас снова поселился страх. На моей памяти так было лишь однажды.

С удивительной естественностью «викинг» налил себе пинту гиннеса в час пополудни. С каждым глотком лицо его смягчалось, чувствовалась перемена в настроении. Он стал вспоминать, как в феврале 1942 года немецкие подводники по ночам приближались к самому берегу и через свои перископы хищно рассматривали мирные городки. Люди не смели зажигать свет в домах и даже приближаться к линии прибоя. И это были не пустые страхи, ведь

пираты Гитлера уже потопили десятки каботажных судов, и обстреляли из пушек несколько городков и нефтеперегонный завод.

— До этого мы были уверены, что нацисты не смогут дотянуться до нас через океан. Но политики и газетчики обманули. Даже континентальный шельф не остановил их! Огромные немецкие субмарины умудрялись чуть ли не вплотную подползать к берегу.

«Викинг» взмахнул рукой.

— Там неподалёку на пляже была обнаружена торпеда, при попытке её обезвредить погибли четверо солдат.

Кружка тёмного пива сделала «викинга» ещё более словоохотливым, охотно отвечающим на вопросы.

— А этот парень — Робин, может, на него напала акула?

— Это вряд ли — неуверенно произнёс «викинг». — Я всю жизнь прожил у океана. Странно, что не находят тела пропавших — большая белая акула редко сжирает человека целиком. Более мелкие акулы не способны перегрызть даже бедренную кость человека. Да и белая акула часто нападает по ошибке: откусив конечность и сообразив, что перед ней костлявый человек, а не жирный тюлень, бросает его.

Всю обратную дорогу Игорь размышлял над

тем, что ему рассказал «викинг». Шоссе изгибалось в сторону далеко вдающегося в океан мыса. Игорь увидел на оборудованном навесами пляже десятка три отдыхающих. Дети, надев на себя надувные круги, плескались возле берега, рядом — ярдах в двадцати за линией прибойной волны неспешно плавали туда и обратно двое взрослых в купальных шапочках голубого цвета; худосочный подросток лениво покачивался на доске для серфинга.

Каждый раз, когда Игорь видел такую картину, на душе становилось беспокойно. Он ловил себя на мысли, как этим людям повезло, что они не могут видеть себя с высоты пары сотен футов. Иначе, возможно, они бы ужаснулись от зрелища того, что проплывает всего в десяти или даже в пяти футах под ними...

Нэнси ожидала его возвращения его в вестибюле главного здания больницы. Исмаилов кожей почувствовал исходящее от неё напряжение. На улице он молча взяла подругу за руку, так они и шли некоторое время, словно влюблённые. Потом Нэнси осторожно освободила свою руку.

— Поедем домой? — Игорь попытался заглянуть в глаза подруги, но она отвела взгляд в сторону.

— Я решила некоторое время пожить здесь — в семье тёти, чтобы почаще навещать её в госпитале. Заодно погляжу эти края.

— Блондинки всегда представлялись мне существами легкомысленными, — усмехнулась женщина.

— Я знаю, Крэг, втайне ты считаешь меня дурой, просто тебе периодически нужна женщина.

— У меня возникла идея: может тебе перекраситься? — попытался отшутиться Игорь. Конечно, это была крайне неудачная шутка и промелькнувшая в её глазах откровенная ненависть подтвердила это.

— Извини, я сморозил ерунду.

— Ничего, я привыкла.

— И когда ты решила, что останешься?

— Ещё вчера.

— Тогда тебе стоило предупредить меня об этом.

Она недоумённо-раздражённо дёрнула плечом.

— Прости.

Нэнси пояснила, что за ней должен заехать племянник. Она нервно помахивала дамской сумочкой и глядела куда-то мимо него.

— А как же твоя работа? — удивлённо спросил Исмаилов.

— Это неважно. Да и вообще слишком долго объяснять.

— Послушай, в последнее время у нас с тобой...

Она перебила.

— Не надо, Крэг. Как говорит моя тётушка, разбитую чашку можно склеить, но лучше купить новую.

Тут к ним подкатил ярко-красный спортивный автомобиль с молодым парнем за рулём.

— Ну, наконец, легок на помине! — с лёгким раздражением воскликнул Нэнси и, взяв Игоря под руку, потащила за собой. — Сейчас я вас познакомлю.

Племянник вышел из машины. У него было холёное лицо и высокомерный вид. Парень прислонился к дверце своего сверкающего на солнце кабриолета и скрестил руки на груди. Взгляд его был направлен куда-то в сторону. Всем своим видом он показывал, что считает себя на голову выше всех.

— Ты как раз вовремя, Эдуард! — сказала Нэнси.

— Да? А почему?

— Пора тебе познакомиться с Крэгом.

Хозяин красного автомобиля соблаговолил повернуть к Игорю голову. Сдвинул на нос солнечные очки, осмотрел его с ног до головы, после чего холодно осведомился.

— А кто это?

Исмаилов сдержался, решив проявить вежливость. Всё-таки пижон — родственник Нэнси.

— Мы вместе работаем — пояснила Кологан.

Тёмные очки вернулись на прежнее место. Племянник выпрямился и заговорил с Нэнси так, будто они здесь только двое:

— Я же говорил тебе, что не хочу видеть никаких твоих знакомых. Сколько он здесь пробудет?

— Он уезжает прямо сейчас — оправдывалось Нэнси.

Игорь ничего не мог понять. Но тут Нэнси огорошила его:

— Эдуард — приятель моего племянника и... — она запнулась. — В общем, мы теперь будем вместе.

Игорь перевёл непонимающий взгляд с неё на пижона и обратно.

— Я нашла тебе замену, Крэг, — повторила Нэнси совершенно серьезно и закусил губу.

Наконец, всё стало понятно. Это была месть. Игорю ничего не оставалось, как пожелать бросившей его любовнице удачи с новым ухажёром и оставить их наедине. Он уже сел в машину и завёл мотор, когда подошла Нэнси. — Не ожидала, что ты так проявишь себя... Ты странный, Крэг. Прости, что я так поступила с тобой. Игорь улыбнулся: — Ничего. Желаю вам счастья.

Нэнси переменялась в лице. Быстро оглянувшись, вдруг предложила: — Хочешь, уедем

вместе? — А как же твой новый бойфрэнд? — К чёрту этого напыщенного придурка! Я всё придумала только, чтобы ты почувствовал, какую боль ты причинял мне в последнее время.

Игорь взял её руку и осторожно поднёс к губам. — Будь счастлива!

Машина с визгом рванула с места.

Глава 13

Быстрая езда не успокоила Исмаилова. Хоть он и гнал прочь мрачные мысли, они возвращались: «Что я вообще такое? Конечно, она права: я странный. Не человек, а волк-одиночка».

Оторвав взгляд от шоссе, Исмаилов взглянул на своё отражение в зеркальце: «Ну что? Сегодня тебя бросила любовница, завтра единственный друг надолго, а может быть навсегда, уедет в Европу. С кем останешься?».

Название населённого пункта на дорожном указателе показалось знакомым. «Ну, конечно же! — вспомнил Исмаилов. — Ведь о нём упоминал в недавнем разговоре «викинг». Здесь жили четверо школьников, которые месяц назад отправились порыбачить с баркаса, и с тех пор их никто не видел ни живыми, ни мёртвыми».

Повинуясь мгновенному импульсу, мужчина свернул с шоссе. У него было такое чувство... не

узнавания, нет. Что-то другое... Зов. Он бы назвал это так. Что-то притягивало его к этой тайне и местам, с которыми она связана. Увидев название на указателе, он вдруг понял, что просто не сможет проехать мимо, и повернул...

Узкая двухполосная дорога вилась среди полей и фруктовых рощ и была обнесена изгородью. Дома возникли из-за поворота внезапно. Машина въехала на прямую широкую улицу, по обе её стороны располагались магазинчики и разные конторы. На многих дверях почему-то висели таблички «сдаётся» и «продаётся».

Игорь притормозил возле офиса адвоката. Из дверей выглянул полный человек. Не глуша мотора, Исмаилов крикнул первое, что пришло в голову:

— Здравствуйте! Я знаю, что у вас люди недавно пропали в океане.

Вышло довольно глупо. Но странное дело, толстый мужчина вовсе не был удивлён таким началом. Он обвёл внимательным взглядом автомобиль, затем оценивающе уставился на сидящего в нём незнакомца, понимающе качнул головой и определил:

— Вы ведь из страхового бизнеса.

Игорь обрадовано пожал плечами.

— В общем, да... мне надо кое-что выяснить...

Толстяк задумчиво заметил:

— Всё верно. Страхование жизни — ходовой товар по нынешним временам.

— Выходит, я не зря проехал столько миль.

Толстяк взглянул на него как-то странно, но подтвердил, что, конечно, не зря, ибо теперь каждый порядочный человек в этом городке должен позаботиться о том, чтобы в случае чего, его семья не осталась без кормильца и средств к существованию.

Толстяк продолжал размышлять вслух:

— По-хорошему, так надо уезжать из этих мест. Но с другой стороны, столько лет выстраивать дело по кирпичику и всё бросить...

— Что у вас тут происходит?

Пухлый горожанин посмотрел на незнакомца с недоумением и беспокойством, отвёл глаза, с растерянным видом уставился куда-то вдаль, пробормотал:

— Что делать, ума не приложу.

Игорь почувствовал, что напрасно теряет время. Навстречу катил на велосипеде маленький седой человек с взъерошенными усами и с каким-то неопределенным взглядом водянистых глаз. Игорь стал ещё издали объяснять ему, кто он, и зачем приехал:

— Понимаете, мне поручено навести справки...

Не переставая крутить педали, велосипедист

поднял голову, увидел чужака, и прищурил на него один глаз, словно целясь из ружья. По его физиономии трудно было определить: ответит он или проскочит мимо. Игорь ждал. Поравнявшись и уже почти разминувшись с ним, велосипедист махнул рукой вдоль улицы.

— Второй поворот налево и до конца — буркнул он бесцветным голосом. — Белый дом с синей крышей... Там увидите. Он стоит особняком возле самого океана.

После поворота дорога плавно сбегала к океану. Можно было выключить мотор и последние сто метров прокатиться по инерции.

Возле указанного дома Исмаилов плавно нажал на тормоз и поставил автомобиль на ручник. Перед ним был самый обычный дом, каких в этих краях тысячи. Возле крыльца с тоскливым скрипом покачивались на ветру качели, у палисадника на бельевой верёвке сушилось бельё. До океана, на поверхности которого поднялась мёртвая зыбь, оставалось шагов пятьдесят.

Здесь было как-то тихо и неуютно, даже волны едва слышно шуршали в этой мертвой бухте, словно шаги убийцы. Пустое белое небо, безжизненные белые дюны, всё сухое, горячее, застывшее. Пахло бедой и смертью.

Мужчина неторопливо выбрался из машины. Из дверей во двор с благодушным видом выбежали

две крупные собаки. Но стоило им только учуять незнакомца, как они попятились назад. Угрожающее рычание сразу перешло в лай.

Игорь остановился. Окно на веранде было открыто и в нём мелькнуло женское лицо.

На крыльце появилась ещё молодая женщина с темными волосами, заплетенными в косу. Щурясь, она смотрела из-под руки на залитый солнцем двор, на мужскую фигуру возле калитки. На хозяйке был фартук, она держала полотенце, которым вытирала руки.

Игорь смущённо оглянулся, не зная, как начать.

— Красивые у вас места — громко заметил он.

— Входите, — предложила хозяйка. —
Входите, мистер!

В выражении лица у нее была спокойная доброжелательность.

Женщина уняла собак и вернулась в дом. Он последовал за ней, отодвинув по пути сетку от мух. Внутри аппетитно пахло жареным мясом.

— Располагайтесь в гостиной, — услышал он, — я сейчас. Кофе хотите?

— Да, пожалуй.

Игорь сел на стул. На диване притворялась спящей одна псина, бдительно наблюдая полуприкрытым глазом за незнакомцем. Второй пёс

куда-то подевался.

Внимание гостя привлёк фотопортрет на стене подростка лет четырнадцати. Он подошёл и долго его рассматривал. Затем решил не откладывать разговор.

На кухне хозяйка лопаткой переворачивала на сковороде котлеты. Духовка была открыта, и там виднелась вторая сковорода с лепёшками. Энергично хлопоча, хозяйка то и дело поглядывая в окно, которое выходило на тропинку, ведущую к океану.

— Сейчас должен вернуться мой Том — пояснила женщина. — Понимаете, он ушёл на рассвете и до сих пор ещё не вернулся. Я немного волнуюсь.

Она вздохнула.

— И что с этими мальчишками поделаешь. А когда он станет взрослым!

Она перевернула очередную котлету, потом поставила на край плиты бурлящий кофейник.

— Я слышал, в вашем городе пропали люди?

Женщина пожала плечами. Нет, она ничего об этом не знает. Это удивило Исмаилова, и он осторожно подсказал:

— Четверо подростков... Говорят, они ушли в море на лодке и исчезли. Мне надо выяснить, что произошло.

Женщина снова вздохнула и сочувственно

протянула:

— Да-а... вот горе то для их матерей.

Они прошли в комнату и расположились за столом. Хозяйка разливала кофе и, с гордостью глядя на фотографию улыбающегося подростка, без умолку говорила о своём единственном сыне. Слушая её монотонно льющуюся речь, Исмаилов не решался перебивать, его даже стала одолевать дремота. И вдруг он услышал нечто такое, что заставило его вначале вздрогнуть, а затем изумлённо переспросить:

— Вы сказали, ваш сын ушёл рыбачить с тремя друзьями на моторной лодке?

— Ну да, — с виноватой улыбкой подтвердила женщина. — Чарли — соседский сынок, Рой, и этот непоседа и вечный заводила Харри Кребстон зашли вчера вечером и условились с моим мальчиком на рассвете идти ловить рыбу. Обещали к обеду вернуться, да вот задерживаются.

Улыбка сползла с её губ, а в глазах мелькнула тревога. Женщина перевела взгляд туда же, куда уставился неприятно поражённый гость: на комод у стены стоял перекидной металлический календарь, на котором уже больше месяца не переводили дату.

Игорь всё понял и поднялся со стула.

— Извините, что не смогу дождаться вашего сына. Но мне пора.

— Куда же вы?! Скоро вернётся Том! — горячо и взволнованно заговорила сумасшедшая. — Спросите моего Тома, он всё знает.

На её голос прибежали собаки. Нервное состояние хозяйки передалось им. Что тут началось! Рычание, поскуливание, взволнованный лай. В этом хаосе непросто было сохранить самообладание, но мужчина ласково обнял близкую к истерике женщину. Ему было искренне жаль несчастную мать, которой никто не вернёт обожаемого сына. Поэтому из него сами собой полились нужные слова. Постепенно она успокоилась...

Спустя час, гость и хозяйка вместе вышли из дома, и подошли к машине. Исмаилов открыл дверцу и остановился. Опустив голову, постоял некоторое время в задумчивости, потом повернулся и веско произнёс:

— Когда Том вернётся, передайте ему привет от меня. И скажите, что я обещал довести это дело до конца. Он знает, что я имею в виду.

Человек в форме велел Исмаилову остановиться. Игорь ожидал его в машине. Полицейский ступал медленно, вразвалочку, держа руки на ремне с кобурой. В остроносых ковбойских сапогах и в широкополой фетровой шляпе, рыжий. На вид лет пятьдесят. Телом большой, но плотный, словно налитой. В медного цвета волосах

пробивалась седина. Широкое мясистое лицо, тяжёлая нижняя челюсть, массивная голова, как будто насаженная прямо на плечи без посредства шеи. Своим обликом он чем-то напоминал моржа. И жёсткие торчащие усы усиливали это сходство. Взгляд полицейского был пристальным и тяжёлым. Прежде чем произнести первое слово, он минуты три разглядывал Исмаилова. Наконец хриплым низким голосом произнёс с большим значением: — Меня зовут шериф Барт Линч. Хотелось бы услышать ваше имя, сэр. А заодно взглянуть на ваши документы.

Говорил он вежливо, но таким тоном, что спорить с ним не хотелось.

Повертев в руках протянутое водительское удостоверение, шериф медленно перевёл «чугунный» взгляд бесцветных глаз на Исмаилова.

— Вам лучше прекратить ваше незаконное расследование. Зачем вам неприятности.

Исмаилов кивнул. Он не стал выяснять, в чём провинился. Зачем? Ведь он побывал уже в трёх местах и успел переговорить не с одной дюжиной людей. Правда, что-то существенное узнать пока не удалось: никто толком ничего не видел и не слышал. Люди и лодки просто испарялись. Официально же всё списывалось на несчастные случаи. Домыслы и слухи — вот и весь его улов.

И всё же Исмаилов не чувствовал

разочарования. В глубине его души зрела уверенность, что он движется в правильном направлении. Так стоит ли нарываться на неприятности? — Хорошо, шериф, я вас понял.

Полицейский обернулся и крикнул троим своим подчинённым, которые с угрюмыми лицами ожидали его распоряжений в полицейской машине.

— Джой, Генри, Сэм, проводите мистера.

Только через пятьдесят километров полицейский конвой, наконец, отстал.

День клонился к закату. Исмаилов бросил машину на дороге и зашагал в сторону океана по тропе, петляющей между корявыми низкорослыми кустами тамариска, искривленными ветрами. Как только под ногами закрипел песок, мужчина скинул ботинки и оглядел беспокойное пространство. Разумеется, ему было известно, что эти огромные волны, зарождаются за девять тысяч километров отсюда. Они многое видели, и многое могли бы поведать, если бы могли...

Рядом с перевёрнутыми кверху днищем рыбацким лодками на сером песке громко храпел какой-то забулдыга. Во сне его явно мучил кошмар, потому что бедняга вздрагивал и стонал. Иногда даже вскрикивал и размахивал руками, словно защищаясь. Лицо его искажала гримаса ужаса. Заметив его, Исмаилов развернулся и отошёл подальше.

Игорь сидел на песке, опершись локтями на колени, и смотрел на медленно опускающееся в океан солнце. Глаза слезились от ветра, но он не замечал этого, погружённый в собственные мысли. Сзади послышался шорох, рядом с Исмаиловым опустился тот самый храпун.

— Привет, — сиплым голосом сказал мужик. У него было простецкое лицо местного пролетария и забулдыги; волосы спутаны, разит перегаром.

— Привет, — не отрывая взгляда от оранжевого диска, уже наполовину утонувшего в море, отозвался Исмаилов.

— Ты что-то ищешь здесь? — зевнув, поинтересовался местный.

— Пожалуй, себя... только другого, — отстранённо произнёс Исмаилов.

Местному ответ не понравился, потому что он оскорблено засопел.

— Слушай, мужик, кончай валять дурака! Объясни, что тебе нужно. Думаешь, я не слышал, как ты бродил вокруг.

Игорь взглянул мельком на небритое опухшее лицо, и усмехнулся.

— Одного моего приятеля чуть не убили на войне, потом он очень страдал в плену у японцев. Там погибли тысячи наших. Их трупы даже не хоронили, а скармливали псам и свиньям. А чаще акулам. Но моему приятелю повезло: он выжил и

вернулся. Правда для этого изнеженному цивилизацией городскому жителю пришлось срочно менять привычки и наращивать шкуру, чтобы она быстро зарубцовывалась после того, как надсмотрщики били по ней бамбуковой палкой. Домой он вернулся похудевшим на сорок килограммов, без двух пальцев на ноге, потеряв почти все зубы, а заодно избавившись от изводившей его язвы. Родственники его сперва даже не узнали. Но потом, конечно, все очень обрадовались. Жена-красавица и двое милых ребятишек ждали его возвращения и были безмерно счастливы.

Жизнь вошла в привычное русло. Его бизнес снова процветал, он имел полный комплект того, что принято называть сбывшейся американской мечтой: прекрасную семью, работу, дом-игрушку, кругленький счёт в банке.

Но через три года он исчез. Никто не знал, куда он подевался. Однажды я получил от него открытку. Приятель писал, что обосновался на том самом проклятом острове, на котором японцы держали его на каторге. Он жил натуральным хозяйством, имел туземную жену и двоих детишек. Знаете, чем мне нравится эта история?

Забулдыга очумело мотнул головой.

Игорь желчно улыбнулся, наблюдая его ступор.

— Он открыл рецепт подлинного счастья. Ведь жизнь вовсе не то, чем мы привыкли её считать.

Пауза. Алкаш явно был впечатлён.

— Да, да, я тоже знаю, что такое счастье! — заволновался он. Его опухшая физиономия с большим бесформенным носом сизого цвета, отвислой нижней губой и облезлыми бакенбардами выглядела довольно забавно. Особенно теперь, когда он, морща лоб и болезненно потирая виски, пытался философствовать. Местный торопился выговориться: — Сегодня утром я решил половить рыбу. Теперь все владельцы лодок сидят на берегу, их страх перед океаном пересиливает даже страх перед кредиторами. Но у меня есть средство от всех страхов...

Игорь понимающе кивнул. — Мне невероятно везло, рыба шла стеной — продолжал свой рассказ забулдыга. — Её будто кто-то гнал на меня. За всю свою жизнь я не видел такого клёва. Теперь то я знаю, что «Оно» наблюдало за мной. Появился неприятный скрип или стук. Можно было подумать, будто кто-то крутит дьявольскую шарманку под водой. От этого низкого скрипучего рокота у меня мурашки побежали по коже. И вдруг...

Алкаш даже вскочил на ноги и попытался изобразить то, что с ним произошло дальше. Игорь жадно ловил каждое его движение. — Это было

как... Как... — рассказчик мучительно подбирал нужное слово. — Как будто сам океан попытался сожрать меня! Оказывается, у бездны могут быть глаза...и челюсти...

Я погрёб к берегу с такой скоростью, словно на моей лодке стоял самый мощный мотор. А когда снова почувствовал под ногами земную твердь, зарыдал от счастья. Я целовал песок и молился. Я благодарил бога за то, что не позволил дьяволу схватить меня, хотя, наверное, такой грешник как я это заслужил.

Забулдыга снова опустился рядом и погрузился.

— Что-то со мной не так, — жалобно пробормотал он, затем в надежде поднял глаза на Исмаилова:

— Может мне ещё не поздно завязать, мужик, а? Как думаешь? Раз такие глюки пошли.

— А на что это было похоже, можете описать?

Алкаш снова наморщил лоб, однако через минуту со вздохом признался:

— Я с перепоя не очень хорошо помню... И слава богу! Иногда лучше не наводить в башке резкость. Давай лучше выпьем, а?

Алкаш беспокойно стал оглядываться. Стоило ему заметить бутылку с остатками какого-то пойла, возглас радостного облегчения вырвался из его груди. Заветная ёмкость лежала так близко к воде,

что лишь чудом её не унесло волнами. Мужик сглотнул подступившую слюну и облизнулся, однако лишь нерешительно топтался на месте, виновато и просительно поглядывая на Исмаилова. — Если хотите, я принесу? — догадался Игорь. Алкоголик радостно закивал, издавая благодарное мычание вместо слов...

По пути к машине Исмаилов наткнулся на щит с информацией, что вся эта территория, прилегающая к океану, продана. И как только он раньше его не заметил?! Компания, которая скупала здесь землю, была известна тем, что застраивала побережье пансионатами и домами отдыха. На волне послевоенного пляжного и туристического бума это был очень выгодный бизнес. Будущая курортная зона была романтически названа «Берегом безмятежного счастья».

Глава 14

*Начало июля 1947 года,
Залив Монтерей (Калифорния)*

Эти трое отлично проводили время вблизи побережья. Арендовавший яхту 25-летний Дэн Боксом оказался чрезвычайно милым человеком. Его гостям казалось, что они давно знают своего

обаятельного «капитана». А ведь с девушками Боксом познакомился всего пару дней назад. Симпатичному разговорчивому ловеласу понадобилось меньше часа на то, чтобы уговорить юных особ составить ему компанию. Девиц не могла не подкупить искренняя доброжелательность незнакомца, его мягкая обходительность, аристократические манеры. Невозможно было не подпасть под обаяние этой мальчишеской улыбки, озорного смеха, остроумной самоиронии. Незнакомец совсем не походил на коварного плэйбоя, заманивающего наивных дурочек к себе на яхту, чтобы в открытом море воспользоваться их доверчивостью.

Немного поколебавшись, да и то больше для виду, подружки с радостью согласились, и ни на секунду пожалели об этом. Им впервые встречался мужчина, в котором бы сочеталось столько достоинств: красивый, остроумный, очень энергичный, уверенный и опять же — ослепительно молодой. К тому же явно при деньгах и при этом не жадный.

Наконец, с ним просто было интересно. Влюблённый в море романтик так захватывающе рассказывал о своих путешествиях в экзотические страны, что у слушательниц рты сами собой открывались от изумления и восхищения.

На вопрос, чем он занимается, девушки

получили от Боксома ответ, что его работа — очень интересная. Очаровывательно улыбнувшись, мужчина добавил, что просто «делать деньги» ему скучно, поэтому он долго искал себе бизнес по душе. Зато теперь он абсолютно счастлив в профессии.

Бар в кают-компании был забит первоклассной выпивкой, еда тоже была великолепной. Музыкальный автомат сам периодически менял пластинки, с которых звучали всё сплошь самые модные шлягеры. Днём они принимали солнечные ванны на палубе, или играли в карты под навесом на корме. Иногда девушки видели капитана что-то записывающим в блокнот. В такие минуты на него нападала загадочная отстранённость: Боксом задумчиво глядел на море и что-то соображал; либо склонялся над картой, держа в руках какой-то навигационный прибор. Но это случалось не так уж часто — яхтсмен отлично справлялся с ролью радушного хозяина и не давал скучать своим прекрасным гостям.

Обстановка безмятежного времяпровождения на борту располагала к флирту и любви. Единственная загвоздка заключалась лишь в том, что на двух красоток приходился один мужчина. А значит, подружкам предстояло решить между собой, кому он достанется. Сам желанный приз пока демонстрировал расположение к обеим, не

спеша обозначить своё предпочтении. К вечеру второго дня зарождающаяся ревность почти довела соперниц до ссоры. Лишь неожиданное происшествие предотвратило разрыв.

Они ужинали втроём, как вдруг Боксом неожиданно изменился в лице. Ничего особенного девушки не почувствовали, разве что яхта немного вздрогнула под действием внезапного порыва ветра или случайной волны. Но капитан явно был чем-то встревожен. Извинившись, он бросился вон из каюты. Минут через пятнадцать девушки тоже вышли на палубу и застали мускулистого атлета уже раздевшимся до плавок, в ластах, натягивающим на голову маску для подводного плавания. — Кажется, мы на что-то напоролись, — будто извиняясь, пояснил мужчина. — Мне необходимо осмотреть днище, чтобы удостовериться, что яхта не получила повреждений. Думаю, это не займёт много времени.

Такое заявление немного встревожило девушек, но самоуверенный вид опытного моряка быстро их успокоил. Конечно же, он знает, что делать, и быстро справиться с проблемой, после чего праздник продолжится. Впереди у них великолепный вечер, который они проведут в уютной каюте за бокалом вина и приятными разговорами.

Опустив за борт штурмтрап, Боксом

спустился по нему в воду. Перед тем как взять в рот загубник дыхательной трубки, молодой мужчина помахал девушкам рукой, и ушёл под воду.

Прошло полчаса, а Дэн всё не возвращался. Потом прошло ещё столько же времени. Девушек стала угнетать мёртвая тишина. Малейшее дуновение ветерка замерло перед заходом солнца. Море сделалось спокойным и гладким, как стекло. Сумерки сгущались, и в этой зеркальной поверхности отразились мириады мерцающих звезд, мало-помалу высыпавших на небе. Было что-то величественное и грозное в торжественном безмолвии и неподвижности мира, и им стало страшно. Подруги вдруг осознали себя брошенными в океане на утлом судёнышке, об управлении которым не имели ни малейшего понятия!

Лишь изредка гробовое молчание нарушалось какими-то звуками. Но они скорее наводили на мрачные мысли. — Ты слышала? — повернув к подруге испуганное лицо, спросила рыженькая. — Во всяком случае, мне показалось, что это — голос. — Голос? Человеческий голос? — Да, по-моему, это был голос. Будто кто-то тихо вскрикнул. — Я ничего такого не слышала. — Но я же не рехнулась, Джелли! Я действительно слышала человечески голос. Дважды слышал. Первый раз я подумала, что ошиблась. Голос был

очень слабый, какой-то приглушённый. Похожий на всхлип. Но сейчас услышала второй раз, и я... Рыженькая осеклась, вновь вслушиваясь. — Может, это была птица — чайка или буревестник, — предположила подруга. — Их тут полным-полно. Говорят, они даже способны плакать.

Сквозь шум воды до них снова донёсся странный булькающий голос. Впрочем, больше он не повторялся.

Погрузившись, Дэн Боксом обогнул корму яхты и включил прибор, который взял с собой. Мужчина стал кружить на глубине несколько метров, время от времени сверяясь с показаниями на циферблате. Ещё периодически мужчина бросал взгляд в глубину.

Приборчик слегка завибрировал в руке, одновременно на светящемся экранчике появились цифры, от которых в груди пловца радостно и тревожно заколотилось сердце. Он вглядывался в тёмную глубину, и в душе его крепло предчувствие большой удачи.

Внезапно, в голове Дениса будто зазвенел колокольчик тревоги: он почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд и оглянулся. Не смотря на то, что на поверхности почти стемнело, видимость под водой оставалось ещё приемлемой поскольку «отголоски» закатных лучей просвечивали водяную толщу на несколько метров.

В этой полутьме Боксом с трудом различил тёмный силуэт метрах в тридцати от себя. Впрочем, тот быстро исчез, и Боксом решил, что ему почудилось. Неприятное ощущение, что за ним наблюдают, прошло.

Он снова занялся прибором: необходимо было ещё раз проверить показания, чтобы избежать ошибки. Внезапная атака снизу со стороны дна застала Боксома врасплох. Уйдя на глубину, противник стремительно атаковал жертву на всплытии. Расчёт на присущее обычному человеку свойство больше контролировать то, что у него за спиной, чем под ногами, оказался верным: внезапность атаки не оставила Боксому ни единого шанса.

Одним ударом кинжала враг перерезал горло яхтсмену. Умирая, Денис успел разглядеть своего убийцу: тот был довольно маленького роста и щуплого телосложения, а на лице его вместо маски почему-то были «консервы» очков ныряльщика, причём с сильными диоптрическими линзами вместо стёкол. Жуткое ощущение от огромных рыбьих глаз — застывших и неподвижных, пристально с ледяным интересом разглядывающих агонизирующую жертву, заставило Боксома закричать и рвануться к поверхности. Убийца имел короткий вздёрнутый нос, будто свиное рыло. Ужас придал погибающему сил. Но большеглазый догнал

Дениса и снова ударил его ножом. После этого убийца сильным толчком отправил труп в свободное плавание.

После того как мужчина исчез, девушек охватил суеверный ужас. Лишь через пять часов беспомощного дрейфа они смогли связаться по радиации с береговой охраной. Вместе со спасателями прибыла и полиция. Началось разбирательство и поиски трупа.

Поначалу кроме полиции никого не заинтересовало загадочное исчезновение. Каждый год в Калифорнии случалось много несчастных случаев с дилетантами, возомнившими себя «морскими волками» — яхты и катера переворачивались, разбивались на скалах и в столкновениях с другими судами; гибли в штормах и взрывались из-за технических неисправностей. Удивить публику печальной историей очередного лопуха, утонувшего исключительно из-за собственной глупости и пренебрежения элементарными правилами безопасности, было трудно. Спрашивается, за каким лешим парню вздумалось покинуть яхту в открытом море, да ещё будучи в хорошем подпитии?!

Промелькнув в ежедневной криминальной сводке, этот случай быстро был бы забыт, тем более что имел все шансы попасть в разряд «глухарей»

(то есть нераскрытых полицией дел), если бы один из сыщиков случайно не проговорился знакомому журналисту, что пропавший мужчина был вовсе не тем за кого себя выдавал. Оказалось, что своим спутникам он представился фальшивым именем, да и вся его биография уважаемого бизнесмена оказалась выдуманной. Водительское удостоверение, по которому была оформлена аренда яхты, тоже оказалось поддельным. Настоящий Денис Боксом, прочитав в газете о своей «смерти», явился разгневанный в полицейский участок и принялся доказывать, что он жив.

Учув sensation, журналисты начали копать. В газетах погибшего назвали «Мистером Никто». Труп его пока выловить из моря не удавалось, несмотря на активные поиски. Но версии исчезновения выдвигались самые различные.

Вскоре прошла интригующая информация, что загадочный господин мог быть связан с посольством одной из зарубежных стран. Мол, ФБР даже стало известно его настоящее имя и занимаемая должность. Но о какой именно стране идёт речь, и зачем понадобилось дипломату выдавать себя за другого, об этом представитель полиции категорически отказался сообщать журналистам.

Глава 15

7 мая 1942 года,
Коралловое море

На закате хоронили погибших. Генри Чаппела тоже. Экипаж авианосца выстроился на палубе для траурной церемонии. Возле борта на сколоченном из досок постаменте восемь тел. Вместо погребальных саванов холщёвые мешки, в которые мертвецы зашиты с головой. Каждый мешок сверху накрыт звёздно-полосатым флагом. Капеллан читает молитву.

Сержанты церемонно снимают с мешков флаги, поднимают их и складывают. Все берут под козырёк. Под торжественное пение горна и залпы прощального салюта тела сбрасывают за борт. Всплеск, и они идут на дно.

Игорь слышал, что для того, чтобы они тонули, в мешки кладут дополнительный груз, обычно — всякий железный хлам из ремонтных мастерских...

На поверхность вырывались пузыри, словно мертвецы еще могли дышать и теперь выпускали из легких остатки воздуха.

Ветер доносил звук трубы, выстрелы из ружей и орудий со стороны других судов. Там тоже

хоронили погибших.

После похорон к Исмаилову подошёл Джон Тич. — Твой друг был храбрым... — сказал он и сочувственно помолчал. — Но ты не должен повторять его ошибок. Запомни: в бою нельзя долго держать один курс и делать плавные развороты. Японцы срежут тебе угол и отстрелят яйца через пару минут. Шея дана лётчику лишь за тем, чтобы постоянно крутить головой на 360 градусов. Прозеваешь вражескую атаку и твои родители тоже получат на память бандероль от Министерства обороны с личным ярлыком и красиво сложенным американским флагом. Ты меня понял?

Тич уставился на подчинённого холодным немигающим взглядом. Игорь понуро кивнул, отлично понимая, что командир должен иметь к нему массу претензий, и все они справедливы. Накануне он действовал не слишком удачно и рассчитывал завтра реабилитироваться. — Забудь, парень, чему тебя учили в лётной школе, здесь свои правила. — Я буду стараться, обещаю. — Мне не нужны мёртвые герои, — Тич взглянул туда, где на морской поверхности всё ещё лопались пузыри. — Я сделаю так, как вы сказали, — скороговоркой произнёс Игорь. — Ладно, иди, — Тич слегка замахнулся и несильно по-боксёрски ткнул юношу кулаком в грудь. — Через пять часов снова работа. Надеюсь, завтра ты не разочаруешь меня снова.

Игорь почувствовал, как лицо его помимо воли расплывается в улыбке: великий Джон Тич никогда не терял удачу; рядом с таким мастером даже у полной бездарности появлялся шанс!

За минувший день Исмаилов успел выполнить три вылета в качестве ведомого «Чёрной бороды». Он очень старался не ударить лицом в грязь: бодро кидал в ответ новым товарищам по лётному звену «о, кей» и энергично выполнял в воздухе все манёвра-перестроения; смеясь, соглашался играть роль приманки для японцев, когда лётчики в шутку предлагали такую убийственную роль новичку. И всю душой желал отличиться в бою! Уж очень хотелось заслужить похвалу аса и стать своим в «ветеранской мафии». Это сыграло с новичком злую шутку. В первой же атаке он забыл вовремя сбросить подвесной топливный бак. И от вылета к вылету количество грубых шибок только нарастало, подобно снежному кому.

В последнем сегодняшнем бою командир слишком резко ушёл в вираж, Игорь не смог повторить его манёвр и остался один. Молодому человеку сделалось жутко, он отчаянно крутил головой, отыскивая кого-нибудь из своих. Враги уже должны были заметить одиночку, и по неловким действиям отбившегося от своих американца догадаться, что перед ними лёгкая добыча. Вскоре его страхи оправдались. Внезапно

сразу три истребителя устремились к нему. Очертаниями они напоминали хищников, спешащих напасть и убить. Игорю даже показалось, что он видит склонившиеся к прицелам азиатские лица вражеских асов.

И он дрогнул! Вместо того, чтобы повернуть в сторону или уйти глубоким скольжением, лейтенант продолжал лететь, как и раньше. Конечности одеревенели, он весь оцепенел! По всем законам воздушного боя новичок должен был встретить свою смерть в этот момент. Но неожиданно один японский zero вдруг окутался густым чёрным дымом и взорвался, прошитый пушечной очередью. Он разлетелся на десятки обломков. Два других выполнили переворот через крыло и резко ушли в сторону и вниз! Игорь не мог поверить в столь чудесное избавление. Он словно заново родился.

А произошло вот что: потеряв ведомого, командир по радио дал указание одному из опытных пилотов срочно найти и прикрыть новичка. Именно самолет этого ангела-хранителя, войдя в крутой вираж, ринулся на японцев, заставив их прервать свою атаку.

Вернувшись на авианосец, Игорь был так измождён, что долго не мог выбраться из кабины. После страшных нагрузок наступило полное изнеможение. Слегка кружилась голова,

подташнивало. Он ничего не ел одиннадцать часов. И всё же молодой человек был пьян от счастья. Каким-то чудом ему удалось пережить этот адский день.

Снов в эту ночь Игорь не видел. Будто провалился в тёмную яму. Проснулся разбитым, не отдохнувшим. Сразу вспомнились все неудачи минувшего дня. Похоже, решение поступить в военную авиацию было большой ошибкой. И в том, что он до сих пор жив, нет ни малейшей его заслуги. Угнетала мысль, что накануне ему ни разу не удалось уловить даже намёка на ощущение уверенности в себе, почувствовать боевой дух, о котором им так много говорили в лётном училище. А без куража — он жертва. Единственный его шанс — Тич. Пока он летает в паре с богом — остаётся надежда, ведь Тич известен тем, что до сих пор не потерял ни одного ведомого. Возможно, в связке с асом он и нащупает в себе бойца.

Глава 16

На утреннем инструктаже Игоря ожидал удар. Когда вывесили список боевых пар на новый полётный день, Исмаилов вдруг увидел фамилию другого лётчика рядом со своей. Похоже, терпение командира закончилось.

— Попробуй с Крассом, — отрезал Тич, и

больше никаких объяснений. Да Игорь и сам всё понимал. Боевой авианосец — не ясли. Либо ты быстро начинаешь топтать собственными ножками, либо тебя перестают принимать в расчёт.

Новый напарник казался парню стариком. Мужик был уже в годах — широкоплеч, жилист, лицо простое и суровое. При взгляде на него казалось, что и характер у него — подстать внешности — грубый и не слишком общительный. До сих пор они не перебросились и парой фраз, хотя служили в одной эскадрилье уже больше месяца. Конечно, свою роль играла разница в возрасте. Ветеран имел награды и чин, соответствующий армейскому капитану. О чём им было разговаривать? Они и теперь даже не пожали рук. Новый напарник просто кивком головы дал понять, что пора идти к самолётам. На палубе он закурил: пальцы его слегка дрожали.

Взлёт был отложен почти на двадцать минут из-за внезапной атаки японских торпедоносцев. Корабельные РЛС их проморгали — японцы подкрались на очень малой высоте, «срезая» волны.

Послышались громовые залпы зенитных орудий — это открыли огонь корабли прикрытия. Первые японские самолеты, приблизившиеся к эскадре на расстояние пушечного выстрела, разнесло буквально на куски. Но не менее дюжины вражеских машин сумели пробиться сквозь

огненный щит.

Две сброшенные торпеды предназначались «Йорктауну». Однако авианосец искусно маневрировал и сумел уклониться. Из кабины Игорь видел, что на некоторых кораблях эскадры начался пожар. Значит, японцам всё же сопутствовал частичный успех.

Едва смолкли зенитки, было получено разрешение на взлёт. Угрюмый ведущий даже не оглянулся, когда поднявшийся в небо лейтенант занял место чуть позади рядом. Такой не обратит внимания, если подшефный новичок вдруг исчезнет в пыли воздушной рукопашной!

Примерно на середине пути в наушниках раздался голос Тича. — На пять часов приятный сюрприз, джентльмены! Игорь взглянул в указанном направлении и увидел вдали японский торпедоносец, видимо, один из тех, кому удалось уйти после атаки на их авианосец. За японцем тянулся длинный дымный шлейф, его мотало из стороны в сторону. Тич выбрал их пару: — Давай, Красс!

Вдвоём они быстро догнали японца. Но вместо того, чтобы покончить с недобитком с ходу, Красс вначале облетел его. Многочисленные пулевые отверстия и зияющие пробоины от снарядов на крыльях и фюзеляже делали его похожим на решето. Чудо, что самолет вообще

держался в воздухе! Две орудийные башни были разбиты вдребезги, находящиеся в них стрелки либо погибли, либо были ранены.

Вслед за ведущим Игорь приблизился к носу торпедоносца и заглянул в кабину, которая представляла собой прозрачный конус. С такого расстояния он увидел забрызганные кровью приборную панель и сиденья. Двое пилотов лежали на полу кабины в лужах крови. Лишь один человек на борту обречённой машины продолжал борьбу.

— Расстреляй его ты, — неожиданно предложил лидер и отошёл немного в сторону. Игорь повернул изумлённое лицо в сторону командирского самолёта. Напарник уступал ему право сбить уже почти поверженного врага и таким образом открыть личный счёт побед. Никто отныне не посмеет назвать его снукером! Похоже, Красс хотел пробудить в нём убийственный инстинкт зверя-охотника. По рации он наставлял молодого, что следует делать. По совету лидера Игорь занял позицию позади и чуть выше японца, чтобы не попасть в турбулентную струю от его моторов. Оставалось, прицелиться и нажать на гашетку. «Как в училище во время учебной стрельбы по воздушной мишени» — неприязненно подумал молодой человек.

— Ну, давай! Только поторопись, а то дохляк кувыркнётся сам и ты упустишь верных семьсот

долларов призовых!

Напарник ждал, а Игорь медлил. Странное чувство мешало завершить дело. Долгие месяцы Исмаилов представлял, как будет сражаться и убивать. Но и представить не мог, что предстоит вот так добивать беспомощных людей. Перед глазами у него стояли с трудомдвигающиеся окровавленные тела на стеклянном полу кабины торпедоносца.

— Да что там у тебя? Почему не стреляешь?!

— Оружие заклинило — соврал Исмаилов. Не признаваться же, что не можешь добить беспомощных людей, пусть и врагов!

В конце концов, Крассу надоело наблюдать за его вознёй напарника, и он устремился вперёд, открыв огонь по вражескому самолёту. Неожиданно задняя пушка торпедоносца ответила ему. «Уайлдкет» Красса дёрнулся, от его передней части оторвались какие-то куски.

— Чёрт — прорычал Красс. В этом коротком возгласе было всё — удивление и досада.

Игорь запоздало нажал на кнопку стрельбы, его истребитель затрясся. Вражеский стрелок вскинул руки и навалился всем телом на свой пулемёт. На правом крыле торпедоносца появились языки пламени, вскоре огонь перекинулся и на левое крыло. Торпедоносец медленно перевернулся, он падал словно лист, плавно

вращаясь. При столкновении с водой самолёт разломился на три крупных фрагментов.

Глава 17

Слава Богу, Красс уцелел, иначе Игорь никогда не простил бы себе этого. Мотор его самолёта хоть и был повреждён, но продолжает тянуть. Исмаилов то и дело озабоченно поглядывал на напарника. Ему хотелось подставить ему крыло, чтобы помочь Крассу скорее добраться до корабля.

Между тем в десятках километрах отсюда кипел бой. В эфире шла сухая перебранка на английском и японском языках, слышались крики ярости и вопли гибнущих.

И вдруг известие: «Командира сбили! Тич погиб!!!». В это невозможно было поверить. Игорь был потрясён. Произошло нечто невероятное: великий и неуязвимый пират оказался тоже смертен. При этом Игорь не сомневался: Тич не мог быть побеждён в честном бою. Наверняка он пал в результате какого-то вероломного удара. Возможно, угодил в ловушку, расставленную коварными самураями.

Смерть Тича посеяла панику. Из радиообмена было видно, как хорошо спаянная команда разваливается — каждый теперь думает лишь о собственном спасении.

— Меня атакуют два «Зэро». Прошу помощи! — Игорь узнал этот голос. Он принадлежал Алеку. Из всего их «зелёного стручка» лишь две «горошины» — он и Алек пережили жуткий вчерашний день и оставались в строю.

— Кто меня слышит! Прикройте! Я ранен!!! — умолял Алек, но никто не отзывался на его отчаянный призыв.

У Игоря сжимались кулаки от бессильной ярости.

К счастью, на горизонте возникли надстройки и мачты кораблей родной эскадры.

— Разрешите мне назад — попросил Исмаилов.

— Отставить, — буркнул Красс.

— Прошу разрешить.

Секунд десять в наушниках лишь потрескивали помехи. Затем послышался отеческий голос знающего, о чём он говорит ветерана.

— Не дури, сынок! В одиночку ты пропадёшь. Сгинешь не за грош!

— Там мой товарищ гибнет. Понимаете?

Пауза. На этот раз Красс сказал, как отрезал:

— Оставить. Я запрещаю!

Но голос несчастного сокурсника продолжал взывать к помощи, на его фоне гремели пулемётные очереди, там что-то скрежетало, словно снаряды

рвали обшивку кабины.

— Ты меня слышишь, парень? — сквозь шум помех в последний раз прозвучал обеспокоенный голос ведущего.

Игорь уже секунд десять крутил ручку настройки бортовой радиостанции. Перед тем как круто развернуть самолёт и лечь на прежний курс молодой лётчик озабоченно пробормотал в микрофон:

— Что-то с рацией... Не пойму... Спасибо, вас понял, есть продолжить выполнение задания. Удачной посадки!

Вдогонку ему наверняка неслась ругань, а может и отеческие уговоры Красса. Но шумы умышленно расстроенной бортовой радиостанции заглушали всё.

Тахометр показывал две тысячи оборотов в минуту. Нужно подобрать более экономичный режим, ибо неясно, как долго предстоит находиться в воздухе. Исмаилов слегка убрал РУД^б назад, увеличивая давление, и стрелка отклонилась к метке 1700. Двигатель неодобрительно закашлял, несколько раз выстрелил и ровно запел на менее напряженной ноте.

Игорь посмотрел на часы, затем на

^б Рычаг управления двигателем.

небольшую карту, закрепленную на планшете и пристегнутую ремешком на правом бедре. По всем расчётам через пятнадцать минут он приблизиться к месту боя...

Машину слегка затрясло, слышались хлопки из трубы выхлопа. Пора сбрасывать дополнительный топливный бак. Игорь сделал широкий вираж влево и дёрнул за рычаг — алюминиевый резервуар под фюзеляжем, кувыряясь, полетел вниз. После этого последовал поворот вправо. Теперь надо быть особенно внимательным. Одурманенные победой японцы наверняка рыщут поблизости в поисках уцелевших американских самолётов. Вспомнились слова Тича: «Летчик, который оставляет в покое свою шею, скоро упокоится рядом со своими предками». Игорь сделал несколько быстрых движений головой: взгляд налево, затем вправо и, наконец, вверх за темный обтекатель, где в небе яростно пульсировало солнце. Вокруг пока чисто...

Всё, теперь время. Уже должны появиться какие-нибудь самолёты или корабли. Но небо и море вокруг по-прежнему пустынно. Исмаилов в тревоге вертел головой, но ничто не нарушало однообразный пейзаж. «Где противник? И наши?»

В наушниках тоже уже минут двадцать лишь потрескивание, да свист помех.

«Неужели я ошибся в расчётах!» — мелькнула

в голове ужасная мысль. Глаза метнулись к показателю топлива. Пока керосина в баках ещё достаточно, но если он действительно заблудился, то лучше немедленно начать искать путь домой.

Внизу мелькнуло серое пятнышко. Чтобы не потерять его, лётчик заложил крутой вираж и прильнул лицом к стеклу. Нет, ему не показалось, там определённо что-то есть. Исмаилов начал снижаться по спирали.

Полузатопленный истребитель вот-вот должен был исчезнуть в океанской пучине. Ветер гнал на него волны, самолёт уже на две трети находился под водой, лишь его хвост, от которого по поверхности тянулся длинный масляный след, пока торчал снаружи. Сквозь слой голубоватой воды можно было различить американские звёзды на крыльях. А вот остался ли кто в кабине, — этого Исмаилову разобрать не удалось.

Игорь сделал широкий круг, надеясь увидеть приводнившегося пилота. Безрезультатно. Молодой человек бросил последний взгляд на почти погрузившийся в пучину «уайлдкэт». Теперь курс на родной авианосец.

Глава 18

Двое японцев методично добивали сильно повреждённый американский истребитель.

Никакого сопротивления янки им не оказывал. Он даже не пытался увернуться. Это мог быть только Алек! В этом Игорь не сомневался ни секунды. Впервые за эти два дня его охватила ярость при виде врага. На свою беду японцы так увлеклись, что прозевали атаку. Промазать было невозможно. Не передать восторг, что пережил уже записавший себя в неудачники лейтенант, когда его двадцатимиллиметровые снаряды впились в фюзеляж ближайшего японца, разорвав его на куски. Брызгая топливом и извергая оранжевое пламя, как паяльная лампа, «Зэро» закувыркался в море. Его летчик выпал из кабины, и сразу же раскрыл парашют. Купол вспыхнул и сморщился, как конец обгоревшей спички. Крохотная фигурка камнем понеслась вниз, крутясь и переворачиваясь, болтая ручками и ножками.

Но второй японец сумел избежать быстрой смерти. Сделав резкий поворот, он попытался уйти глубоким пикированием. Игорь погнался за ним. Затаив дыхание, Исмаилов наблюдал за тем, как стремительно приближается голубая морщинистая от волн морская поверхность, заполняя собой всё лобовое стекло. В каких-нибудь пятидесяти метрах от воды японец вывел свой самолёт из пике. Сняв ноги с педелей и упёршись ими в стенки кабины, Игорь рванул ручку управления на себя и почувствовал как кровь

отливает от головы. Машину затрясло. Двигатель завыл, напоминая неистовый рев тайфуна. Игорь тоже заорал что было мочи, чтобы хоть как-то облегчить обрушившуюся на него перегрузку. Он чувствовал, как прогнулось под ним пружинное сиденье — ведь вес его тела увеличился в пять раз.

Несмотря на застилавшую глаза кровавую пелену, Исмаилов изо всех сил продолжал тянуть ручку на себя. Голова стала чугуной, запрокинулась за спину, а налившиеся свинцом руки согнулись в локтях, несмотря на его усилия их выпрямить. От таких перегрузок трещали не только кости, но и силовой набор фюзеляжа, запросто можно было лишиться крыльев. Но самолёт и человек выдержали это испытание! С невероятной медлительностью горизонт опрокидывался на него.

Вслед за противником Игорь забрался на высоту шесть тысяч метров. Здесь он дал двухсекундную очередь по японскому истребителю.

— Промазал!

Веер пуль прошёл мимо. Закрутилась безумная карусель на виражах. Пилот «зэро» выделял самые замысловатые фигуры. Он был отличным летчиком и в другой ситуации у Исмаилова не было бы шансов. Но в нынешнем своём состоянии он словно стал на короткое время другим человеком. Откуда-то появились

молниеносная реакция и ясное понимание того, что необходимо делать. Исмаилов продолжал неумолимо сокращать расстояние между собой и противником, делая резкие виражи, пока не оказался менее чем в 20 ярдах от хвоста неприятельского самолёта. Прозвучали две коротких очереди, и за истребителем противника потянулся длинный шлейф.

Потом они летели так низко, что пропеллер «уайлдкэта» поднимал веер брызг. Но Игорь уже не сомневался в благоприятном исходе поединка. На одном из виражей Исмаилов снова настиг врага и врезал по нему сразу из всего, что имелось у него под рукой. Алюминиевые куски обшивки полетели в разные стороны, будто клочки бумаги, подхваченные ветром. Сокрушительный удар двадцатимиллиметровых снарядов и сотен пуль разнес кабину, раздробив плексиглас и размозжив голову летчика, словно дыню. До того, как упасть в море «Зэро» разломился пополам. — Банзай! — почему-то воскликнул Исмаилов. От избытка чувств лейтенант принялся крутить каскады бочек, взмывал вверх и бросал свой самолет в пике. Лишь мысль о товарище заставила его опомниться. Скорее узнать, как там Алек! Вдохнуть в него уверенность, если товарищ ранен. Но приблизившись к спасённому, Игорь не поверил своим глазам. Судя по бортовому номеру, самолёт

принадлежал... Джону Тичу!

В кабине действительно сидел «Чёрный борода». Но боже, как же ему досталось! Крылья и фюзеляж флагманского истребителя были покрыты пробоинами. Обшивка руля поворота исчезла, шпангоуты торчали, как ребра скелета. Теперь стало понятно, почему пилот летел по-прямой и не пытался защищаться. Левое плечо лётчика было в крови. Игорь также заметил, как красное пятно расплзается на груди аса.

Они летели рядом, глядя друг другу в глаза. Радиосвязь отсутствовала. Лейтенант отдал командиру честь, затем выставил над бортом кулак с поднятым большим пальцем, мол, прекрасно держитесь, босс! Ободряюще покачал крыльями. Тич с трудом поднял руку и слабо помахал ему. Игорь показал командиру два пальца — теперь он перестал быть «неоперившимся птенцом» — на его счету две победы.

Тич кивнул. Лицо его было абсолютно белым. Командир выглядел беспомощным. «Пожалуй, он может умереть раньше, чем мы достигнем авианосца» — подумал Игорь. Молодой человек отодвинул стеклянный колпак, и крикнул, чтобы командир не сдавался. Будто тот мог его услышать!

Вдруг Тич уронил голову на грудь. Нос его самолёта начал медленно опускаться. Чтобы вернуть командира в сознание Игорь принялся

крутить пируэты вокруг его самолёта. Попутно он продолжал делать попытки настроить радиостанцию и вызвать помощь:

— Я ведомый Джона Тича. Он жив! Срочно нуждаемся в поддержке.

Что-то заставил Исмаилова резко обернуться. И как раз вовремя! Четыре истребителя неслись в их сторону. Слабая надежда, что это свои, растаяла быстро. А у него закончились снаряды! Патронов осталось всего на две-три короткие очереди. И всё же шанс оставался. Впереди примерно в двух милях ослепительно сверкал на солнце край огромного облачного фронта. Он уходил к самому горизонту. Там спасение.

Игорь взглянул на командира. Тот поднял голову и открыл глаза. И сразу всё понял. Собрав последние силы, Тич знаками показывал, чтобы юнец спасался один. Игорь отрицательно мотнул головой. До небесного убежища оставалось совсем немного, буквально рукой подать, они должны добраться туда вместе. Но зеро слишком быстры! От них к едва ковыляющему самолёту Тича уже тянутся огненные трассы. Игорь сделал глубокий вдох и бросил машину резко влево, закрывая собой командира.

Словно молотом ударило по фюзеляжу. Обожгло ногу. Мотор заработал с перебоями. Из-под приборной панели струями выплёскивался

керосин, заливая ноги и живот. Самолёт вошёл в облако, но спокойствия это не принесло. Из-под капота выбивались оранжевые языки, потянуло едким дымом. А его одежда пропитывалась бензином!

Смолк гул мотора и стало слышно, как потрескивает охваченная снаружи пламенем кабина. Скорее выбираться, пока не сгорел заживо! Хлопнул над головой спасительный купол...

Всплыв на поверхность и избавившись от лямок парашюта, парень огляделся. Сердце его зануло от тоски: вокруг только небо и волны. И невероятная тишина, будто оказался по другую сторону жизни.

Глава 20

*14 июля 1947 года,
Калифорния.*

По возвращению домой Исмаилов нашёл в почтовом ящике извещение на получение бандероли. Он тут же перезвонил в офис почтой компании и через сорок минут держал в руках довольно толстый конверт из плотной бумаги. Отправителем в квитанции значился Джордж Габор. В пакете оказались два свёртка: рукопись

книги и доклад конгрессмена Морриса Элтхауза. Этот доклад теперь разыскивали не меньше, чем самого бесследно исчезнувшего политика. Какой-либо записки с распоряжением, что ему со всем этим делать, Игорь не обнаружил. Обеспокоенный, он набрал номер друга. Трубку взял какой-то человек, представившийся хозяином дома, который писатель арендовал. — Нет, мистера Габора здесь уже нет, — ответил домовладелец и пояснил, что писатель недавно сдал ключи от дома и отправился на пристань.

Оставалось дожидаться приезда Габора и получить его объяснения по поводу странной посылки. Игорь прилёг на кушетке в кабинете и не заметил, как заснул. Ему снилось детство. Он мальчишка приехал с родителями к океану. И как всегда бывало, его не вытащишь из воды. В маске, дыша через трубку, он кружит по поверхности и высматривает на дне крабов. Вода прозрачна и хорошо просматривается. Время от времени он ныряет за очередным трофеем. Радостно любит угрожающе шевелящим клешнями обитателем морского дна и кладёт его в сетчатую сумку у себя на боку.

Вскоре парить возле берега надоедает, и он начинает потихоньку удаляться, несмотря на строгий родительский запрет.

Вода под ним темнеет. Когда снова

приходилось нырять, то всё тело коченеет от холода. Вскоре глубины становятся такими, что до дна уже не дотянуться. Он видит далеко внизу силуэты рыб. Это довольно крупные рыбы, но выглядят песчинками. Они плавают по поверхности склона, уходящего в синюю бездну.

Он слегка работает ластами и мягко скользит туда, где шельф круто обрывается в тёмную пропасть. Вскоре он замечает, что море ведёт себя как-то странно. Оно будто настороженно замирает. Становится очень тихо, вся живность внизу пропадает. Дно окончательно исчезло, теперь он парит над бездной. Что-то неясное, неимоверно громадное проступает из мрака. И вдруг вспыхивают жёлтые глаза.

— Этого не может быть! — шепчет он, не в силах отвести глаз от пронизывающего взгляда уставившейся на него бездны.

И тут в его голове звучит приказ: «Беги!». Это был голос отца.

Открыв глаза, Исмаилов не сразу понял, что находится у себя дома. А когда понял, сердце тоскливо сжалось: дурной сон, не к добру. Ощущение надвигающейся беды преследовало его в последнее время неотступно. Все попытки логически себе объяснить абсурдность всяких там предчувствий помогали лишь на время заглушить в себе странную тревогу. Единственное во всём этом

светлое пятно, это то, что он увидел родителей. Но как же давно он не навещал их! В последнее время Игорь заметил, что лицо отца на фотографиях, что висели в его кабинете, как будто изменилось. Отец словно пытался сообщить ему что-то важное. Его внезапная смерть оставила слишком много вопросов. Впрочем, и мама тоже ушла как-то вдруг...

Глава 21

— Я хотела попросить тебя дать мне несколько выходных дней. Декан факультета Фрэнк Руби как будто ждал чего-то подобного, он кивнул, приглядываясь к Исмаилову, но вопрос все-таки задал: — Проблемы со здоровьем? — Со здоровьем? — удивился Исмаилов. — Нет, со здоровьем все нормально. Почему ты спросил, я что, скверно выгляжу? — Нет, всё в порядке, — торопливо заверил Руби. Чувствовалась в нем какая-то затаённая настороженность. — Чем собираешься заняться?

Игорь помедлил с ответом. Руби откинулся на спинку стула и понимающе улыбнулся: — Ну конечно! Так ты и рассказал мне о своих истинных планах. Это ведь женщина? — Хочу съездить на кладбище. — На кладбище? — удивился Руби, лицо его снова стало озабоченным. — Да. Там

похоронены мои родители. Это довольно далеко. Мне понадобится целый день. Потом у меня ещё будут дела. Начальник покачал седой головой. — Твои лекции стоят в плане, Грэг, а замену тебе я найти не смогу. — И всё же я прошу тебя, Фрэнк. — Да что на тебя нашло? Они были в хороших дружеских отношениях, и Игорь откровенно признался: — Плохой сон... Он не выходит у меня из головы. — Плохой сон, — пожал Фрэнк плечами. — Мне тоже часто сняться дурные сны, даже кошмары. Например, что я заболел раком и не могу больше нормально работать. Сам знаешь, наша медицинская страховка не покрывает дорогостоящего лечения. Через полгода банк за долги по кредиту забирает у меня машину, потом заявляются судебные приставы и выкидывают мою семью из дома. Ну, как тебе такой вариант? Игорь понял, что должен объясниться: — Как ты знаешь, мои родители умерли два года назад. Сначала внезапно скончалась мать от обширного инфаркта. Отец не смог этого пережить и ушёл практически следом. Так получилось, что я не видел их в гробу, как ты помнишь, я тогда находился в Бразилии в командировке. Меня занесло в такую глушь, что я узнал обо всём слишком поздно. Когда я смог вернуться, их уже похоронили. Знаю только, что отца похоронили в цинковом гробу — такова была его воля. Отец надеялся, что когда-нибудь в

будущем его перевезут в Россию и перезахоронят в семейном склепе...

У меня есть свидетельства об их смерти, есть могилы. Но что-то внутри меня до сих пор отказывается верить в их уход. Прежде они ещё ни разу мне не снились. Сегодня я впервые увидел их снова — живыми. Мне очень важно повидаться с ними, особенно с матерью, мы были с ней очень близки. — Да, понимаю. И всё же это только сон — Френк пожал плечами. — Ты переутомился. Давай, я что-нибудь придумаю для тебя на следующей неделе. Декан наклонился и стал листать ежедневник. — Скажем, со среды и до конца недели сможешь устроить себе длинный уикенд. А что, махнёшь куда-нибудь на природу в приятной компании. — Нет, — твёрдо произнёс Исмаилов. — Я должен ехать к ним прямо сейчас. — Поверь, дружище, не стоит так серьёзно относиться ко снам. — Это было почти как реальность. Я видел опасность. Возможно, это было предупреждение. — Знать бы где нас подстерегает беда, — невесело усмехнулся Руби. — Я чувствую, мне необходимо их поддержка. — Ты меня пугаешь, — тревожно взглянув на Исмаилова, вздохнул Френк. — Значит, не зря мне говорили, что за тобой стали замечать некоторые странности. Только ты не обижайся на мои слова. Сам ведь знаешь: я последний человек, который усомнится в

тебе. То, что случилось с тобой в армии, — дело прошлое. Там была война... Но послушай, дружище, ты же современный человек! То, о чём ты говоришь, — всего лишь наши подавленные эмоции и воспоминания. Вера в загробную жизнь, в вещие сны и в прочие суеверия — удел обывателей. Не нам с тобой опускаться до этого уровня. Правда, я сам каждое воскресенье посещаю с семьёй лютеранскую церковь, — так сказать дань воспитанию, — но я же не впадаю в религиозный фанатизм. — Если не отпустишь, я уеду так, и можешь увольнять меня, — отрезал Исмаилов. Френк удручённо покачал головой и сердито буркнул: — Ладно, катись куда хочешь!

Дорога на кладбище заняла даже больше времени, что Исмаилов предполагал. Мужчина оставил машину возле входной арки и зашагал по посыпанной красной каменной крошкой дорожке. Его окружали ухоженные лужайки и холмы, покрытые аккуратно подстриженной зелёной травой. И повсюду плоские каменные плиты одного размера с выбитыми именами и датами. И так насколько хватает глаз кругом.

Память подсказывала, что за тем холмом надо повернуть направо, а дальше совсем просто: метров через сто сойти с дорожки, и возле сосны с причудливо изогнутым стволом цель его поездки. Беспокойство возникло, когда дорога обогнула

холм, потому что впереди не оказалось никакого поворота направо. Налево — пожалуйста, а справа откуда-то возник искусственный пруд, словно ландшафтный дизайнер перепутал погост с полем для гольфа. Это выглядело полным абсурдом, продолжением кошмарного сна. Свинцово-серая гладь пруда словно поглотила родные могилы. Возникло чувство страшного одиночества, затерянности в пространстве, совсем как тогда в океане.

Глава 22

*8 мая 1942 года,
Коралловое море.*

Тихий океан столь велик, что мог бы с лихвой вместить в себя все земли планеты — континенты, архипелаги, отдельные острова. Что такое один человек по сравнению с ним? Так, крошечная песчинка, атом! У сбитого лётчика не было даже плотика, на который он мог бы взобраться. Его спасательный жилет благодаря шальному осколку превратился в бесполезную рванину. На что в таком положении вообще можно надеяться?!

Впрочем, за первые несколько часов над ним всё же пару раз пролетели какие-то самолёты. А

однажды вдалеке показались тонкие струйки дыма. Игорь возликовал: его заметили с воздуха и выслали помощь! В том, что это свои, парень не сомневался, он стал кричать и размахивать руками. Но дымки вскоре исчезли.

Гнетущая тишина и чувство одиночества сдавили ему шею удавкой ужаса. Как он пережил эти первые часы: не захлебнулся от отчаяния, не умер от разрыва сердца, не свихнулся?! Ведь посреди абсолютного безмолвия, когда вокруг нет ничего, кроме волн и облаков, трудно сохранить разум.

Неудивительно, что он совершал странные поступки. Даже в воде Исмаилову мерещился тошнотворный запах керосина, которым пропитался его комбинезон, и он поспешил избавиться от всего, что на нём было надето. Ещё его подгонял страх, что без спасательного жилета намокшая одежда утянет его на дно. Он совершенно забыл, что в специальном наставлении, которое им давали читать, не рекомендовалось раздеваться после приводнения в океане, ибо итак можно привлечь акул...

А вот боли молодой человек не чувствовал, солёная вода приглушала её. Лишь тянущийся за ним кровавый шлейф «дымящей» раны, напомнил о пострадавшей ноге. Но ведь акулы всегда приплывают на запах крови! С запоздалым

сожалением Игорь вспомнил об утонувшем комбинезоне, в карманах которого лежали перевязочный пакет и другие полезные вещи. Как он мог забыть об аварийном комплекте?! На худой конец комбинезон можно было разорвать на бинты. Пришлось стащить с себя трусы, распороть их на полоски и перетянуть ногу. Кровотечение как будто прекратилось. Однако, страх перед хищниками, теперь преследовал его постоянно.

Океан вокруг был совершенно спокойным и выглядел совершенно пустынным — ни дельфинов, ни летучих рыб, даже птиц не было видно. Но отсутствия видимого движения вокруг лишь усиливало тревогу. Так солдаты на войне начинают нервничать, когда стрельба вдруг затихает.

Оголённые плечи и спину нещадно обжигали солнечные лучи, но Игорь не замечал этого. Он тревожно вглядывался в глубину и не видел ничего, кроме сине-фиолетовой мглы и каких-то теней — не то акул, не то каких-то крупных морских чудовищ. Под ним находилась настоящая бездна — одно из самых глубоких и малоисследованных мест мирового океана. Там могло таиться всё, что угодно...

Вечерело. Небо запылало багровым, синим, сочно-зелёным. Каких только цветов и оттенков тут не было! Краски сменяли друг друга за какие-то минуты. Настоящее светопреставление! Зрелище не

могло не заморозить, Игорь даже на время забыл об акулах. Пока на горизонте светилась полоска света, он с надеждой вглядывался туда, где по его расчётам находилась американская эскадра. Только где она теперь? Как не напрягал он слух, не слышно было даже намёка на отдалённый гул канонады, самолёты тоже больше не появлялись. Непредсказуемый ход сражения вполне мог за последние часы переместить корабли за сотни миль отсюда.

Вода была довольно тёплой, при такой температуре можно продержаться на плаву ещё долго. Знать бы только, когда за ним вернуться, и вернуться ли вообще! Ведь новичка с лёгким сердцем могли списать в убитые. В пылу битвы часто бывает некогда думать о сбитых лётчиках. Так уже бывало за эту войну. Рассказывали, что после предыдущего крупного столкновения с японцами, спеша скрыться во мраке от преследования врага, американские моряки наблюдали зловещее зрелище: море за кормой напоминало ночной луг, усыпанный мигающими огоньками светлячков. Это отчаянно сигналили аварийными фонариками барахтающиеся в воде лётчики. Лишь через трое суток военная обстановка позволила вернуться и организовать спасательную операцию, но для многих помощь опоздала...

Игорь старался гнать от себя такие мысли,

ведь он был так молод и не желал умирать. Непроницаемый мрак сомкнулся вокруг одинокого пловца. За всю ночь он так и не сомкнул глаз. На авианосце им показывали учебный фильм, в котором рассказывалось, как вести себя, чтобы защититься от океанских хищников. У него был нож, и он был готов дать отпор.

Глава 23

Он будто раскачивался на качелях. Игорь разлепил веки и увидел серое мрачное небо. Над головой нависали тяжёлые тучи. Гребни волн шипели и светились в тёмно-синем утреннем полумраке. Ломанные стрелы молний сверкали в разных сторонах горизонта. Океан готовился продемонстрировать свой свирепый нрав. «Шторм идёт!» — сказал себе Исмаилов и содрогнулся от ужаса.

Происходящее казалось продолжением сна. Его поднимали и опускали громадные волны. Над головой сверкали молнии и слышались раскаты грома. Ветер срывал брызги с волн, и они хлестали его по лицу колючими иглами. Почти каждая водяная гора несла на вершине светящийся гребень, который с шумом опрокидывался. Часто гребни волн накрывали пловца с головой, и парень едва не захлёбывался. В голове мутилось и создавалось

полное ощущение утопления.

Наравне с океанскими валами его захлёстывали волны страха. Они двигались от конечностей, подступали к сердцу и сознанию. Панический страх душил, сердце колотилось так, что в любую секунду могло разорваться от ужаса. Игорь стал думать, что не продержится на поверхности и получаса. Никогда раньше Игорю не приходилось глядеть прямо в глаза смерти. Выяснялось, что быть с ней вот так — лицом к лицу — далеко не то же самое, что погибнуть внезапно. Например, получив пулю в сердце или в голову, человек не успевает осознать своей обречённости, он ещё действует, борется, пытается спастись. Смерть страшна, когда издали осознаешь её приближение и понимаешь, что не разминуться.

До сих пор Исмаилов ещё всерьёз не примеривал на себя смерть. Правда, во время похода он порой спрашивал себя: «Неужели я буду похоронен в тёмной мрачной глубине?». Но и тогда он размышлял о собственной смерти больше потому, что сама эта мысль была новой и будоражила его. В некотором смысле это было игрой. Мрачные мысли не могли побороть в нём хоть и наивную, но чрезвычайно крепкую убеждённость в собственной неуязвимости. Но всё это осталось позади, как детство с его наивной верой в чудо...

Игорь почувствовал, как судороги спазмом сжимают горло, захотелось закричать от отчаяния. Ещё несколько мгновений — и он пойдёт ко дну! В этот момент у него мелькнула мысль, что он сам убивает себя. Это было как озарение. Лётчику удалось собрать волю в кулак и взглянуть в лицо своему страху. «Моё положение ужасно, но не безнадежно, раз я до сих пор ещё жив» — сказал он себе.

Прежде всего, удалось восстановить дыхание. Оказалось даже в штормовом море можно выжить, если не паниковать, не бороться со стихией. Прошло несколько часов. Игорь старался просто держаться на поверхности, экономя силы. Волны сами поднимали и пускали его, а он следил лишь за тем, чтобы успеть сделать глубокий вдох и задержать дыхание за мгновение до того, как его захлёстывало пенной шапкой. Был момент, когда проплывающая над его головой огромная туча пролилась потоками пресной воды. Широко открыв рот, Игорь сумел сделать несколько глотков впрок, чтобы отдалить муки жажды.

Сколько дней он провёл в океане? Этого Исмаилов вспомнить не мог. Как не мог ответить на вопрос, каким чудом ему удалось выжить. Наступил момент, — похоже, это началось на третий день, — когда он впал в состояние полусна-полубодрствования. Впрочем, иногда и на

короткое время полнота сознания восстанавливалась. Это случалось, когда из-за долгой неподвижности становилось немного прохладно, и требовалось волевое усилие, чтобы разогнать кровь по жилам и согреться. Так вот в такие моменты он наблюдал скопления облаков, которые принимали форму причудливых замков или парусников с громадами парусов. Всё это были миражи. По ночам ему мерещились корабельные огни. Когда это произошло в первый раз, он как сумасшедший стал кричать и погнался за «судном». Заветные огни то приближались, даря надежду, то отдалялись. Это была жестокая игра. Он долго плыл, пока не понял, что погоня за миражом отнимает у него последние силы. А поманившие его огни вдруг рассыпались на целую гирлянду светящихся точек. В следующий раз огни уже не смогли его обмануть.

Если до этого океан вокруг выглядел безжизненным, то теперь рядом могли появиться дельфины, и он даже разговаривал с ними! И самое удивительное, что они отвечали ему!

В реальность его вернула резкая боль. Что-то сильно обожгло сразу ноги, шею, грудь.

Глава 24

*11 июля 1947 года,
Калифорния.*

В кладбищенской конторе всё быстро выяснилось. Оказалось, он ошибся. — Вам надо было зайти через вход номер два, а вы вошли через первый — объяснили ему.

Игорь был смущён, ведь в памяти он сохранил яркий образ дороги, ведущей к родительским могилам. Впрочем, чему тут удивляться, ведь прежде он бывал здесь всего однажды. В конторе ему посочувствовали: — Впрочем, вы правы — виды там действительно похожие. Недавно наш новый рабочий тоже так перепутал и решил что у него плохо с головой.

Один из служащих конторы вызвался проводить Исмаилова. По дороге служитель указывал на некоторые могилы, и рассказывал истории их владельцев. Чем-то примечательных покойников оказалось немало, несмотря на скромный статус кладбища.

Навстречу им попался старик со сморщенным лицом и орлиным профилем, который толкал перед собой тележку с мётлами и лопатами. Провожатый задержался, чтобы переброситься с уборщиком парой фраз. Исмаилов же пошёл дальше.

Нагнав его, провожатый пояснил:

— Старик Текумса видел издали, как вы

плутали. — Почему же он не подошёл ко мне и не помог отыскать верный путь? Провожатый неопределённо пожал плечами. — Он странный. Назвал вас «отбрасывающим тень». — Почему? — Говорит, что видел, как за вами тенью следовали двое. Провожатый с интересом посмотрел на посетителя, ожидая его реакции. Исмаилов озадаченно хмыкнул, и тут же услышал: — Правда, они держались на некотором расстоянии и старались не попадаться вам на глаза. Впрочем, Текумса говорит, что вы итак ни разу не оглянулись.

После этих слов Исмаилов невольно бросил настороженный взгляд через плечо, но никого не заметил. Между тем они пришли. Напоследок местный обронил: — Этот старый индеец сказал, что вам надо быть очень осторожным. Он видел, как они смотрели на вас. Он говорит, так смотрят хищники на добычу. — Спасибо, — Исмаилов протянул провожатому несколько купюр. — Передайте половину старику.

Оставшись один, Игорь некоторое время постоял возле могил. Однако мысленного диалога с родителями, ради которого он здесь, не получалось: из головы не лезли слова старика-индейца.

Чтобы приглушить чувство вины Исмаилов дал себе слово в ближайшее время установить на родительской могиле крест из серого гранита. Отец

рассказывал, что такой украшает фамильный склеп на кладбище Донского монастыря в Москве.

По пути к воротам Игорь бросал настороженные взгляды по сторонам. На открытом пространстве укрыться вроде бы негде, так что описанные индейцем господина наверняка попались бы ему на глаза. Или же они учли свой просчёт с этим уборщиком.

Вернувшись домой, Игорь первым делом внимательно осмотрелся. Ему показалось, что в его отсутствие некоторые бумаги на столе перекладывались, а книги брались с полки. В холостяцкой квартире трудно скрыть следы вторжения, хотя бы из-за пыли, которая накапливается неделями. Неприятный холодок пробежал по спине. Впрочем, полной уверенности не было. Но в любом случае он поступил правильно, что не оставил полученные от Габора документы дома, а отнёс на работу.

Мужчина подошёл к окну и осторожно выглянул из-за портьеры: там, на улице текла своим чередом обычная жизнь, ни одного подозрительного лица или силуэта.

«Скорее бы уж встретиться с Габором, как договаривались», — подумал Исмаилов. Вместе они решат, как поступить дальше. Возможно, вместо того, чтобы увозить бумаги пропавшего конгрессмена в Европу, Джорджу следует передать

их в здешние газеты или кому-то из честных коллег политика. И, наверное, писателю стоит немедленно начать публиковать первые главы своей книги, тогда никто не посмеет заткнуть ему рот.

Глава 25

В половине одиннадцатого утра Исмаилов сел в поезд до Нью-Йорка. Он ехал провожать Габи. К сожалению, встретиться раньше так и не получилось. Где теперь приятель, и как он собирается попасть в Нью-Йорк — этого Игорь не знал. Хотя до последней минуты не терял надежду увидеть на перроне чуть сутуловатую фигуру друга. Но, видимо, дела, о которых говорил Габор, не отпустили...

В пути пассажирам предлагали напитки и свежую прессу. Игорь заказал кофе. Помешивая сахар ложечкой, стал лениво перелистывать страницы. Вдруг его взгляд наткнулся на кричащий заголовок: «257 пассажиров и членов экипажа парома «Быстрый Георг» исчезли!». Неприятно кольнуло в груди. Исмаилов быстро пробежал глазами первые строки — так и есть: корабль курсировал между островом, на котором жил Габор и материком. Но кто-то ведь должен был спастись?! А кроме того Габи ведь не обязательно должен был плыть именно этим пароходом.

Игорь стал читать дальше. В статье рассказывалось, что из пункта отправления корабль вышел строго по расписанию, но в порту прибытия так и не появился. Сигналов бедствия от «Быстрого Георга» не принимали. Да и море всю неделю оставалось спокойным, так что причин для задержек как будто не было. Поэтому тревогу забили не сразу, мало ли что могло произойти в пути. Например, поломка машины, с которой опытная команда должна была справиться своими силами.

Служащие компании как могли успокаивали родственников и пытались своими силами прояснить ситуацию. Только спустя десять часов была проинформирована служба береговой охраны. Активные поиски начались незадолго до наступления темноты и продолжены на следующий день. По распоряжению губернатора к операции подключились военные, была задействована патрульная авиация.

Статья заканчивалась так: «Пропать на войне несложно. Там, где сбрасывают бомбы и пускают торпеды, исчезновение даже целого судна не способно надолго поразить воображение. Однако как такое могло случиться, что под мирным солнцем, в полный штиль сгнуло без следа крупное судно, со всеми кто был на борту?!».

Игорь отправился к проводнику и скупил все

издания, посвящённые загадочному исчезновению. Такое большое количество бесследно пропавших людей, среди которых оказались родственники влиятельных персон, вызвало большой ажиотаж. В результате была сорвана печать тайны, и на поверхность стали всплывать факты, которые повергали в шок. Оказывается, это был далеко не первый случай такого рода: две с половиной недели назад южнее Фараллоновых островов при столь же таинственных обстоятельствах исчез рыболовецкий сейнер. Из его команды в пятнадцать человек не нашли никого.

Загадочная история произошла с сухогрузом «Ямайка». На море был полный штиль, и никто на борту корабля не ожидал того, что произойдёт. Внезапно корпус судна в районе пятидесятого шпангоута, то есть в средней части корпуса — там, где внешняя обшивка наиболее прочна и рассчитана на максимальные нагрузки, содрогнулся от чудовищного по силе подводного удара. Судно разломилось пополам и затонуло в считанные минуты. Тем не менее, радист успел послать сигнал о помощи. Неподалёку находился военный самолёт, который сразу был направлен на помощь терпящим бедствие морякам. Лётчики прибыли на место всего через двадцать минут после получения сигнала. Они заметили масляное пятно на воде и корректировали с воздуха курс подходящим

катерам береговой охраны. Но спасти было некого. В районе крушения моряки подобрали труп без головы и судовой журнал. В одежде трупа были обнаружены документы на имя Бумкхена Джона Смита, капитана корабля. Последняя запись в бортовом журнале была сделана его рукой за считанные минуты до того, как корабль исчез под водой.

Что касается версий возможных причин этих трагедий, то всё, что попадалось Исмаилову на глаза, отдавало беллетристикой. Авторы большинства материалов недостаток фактов компенсировали художественным вымыслом. Так одно издание возлагало вину за случившееся на советские подлодки, которые уже не впервые замечали у западного побережья США. Выступавший в роли эксперта отставной офицер военного флота провёл параллель с действиями германских U-подлодок у восточного побережья США в начале Второй мировой войны и нынешними случаями. Там история была такая: ещё до принятия 11 марта 1941 года Конгрессом акта о ленд-лизе Америка активно поставляла Англии продовольствие, стратегические материалы и вооружение. После разгрома Франции и капитуляции большинства европейских демократий Британия была обречена, и лишь стоящая у неё за спиной Америка мешала нацистам

восторжествовать на континенте. То есть Америка уже фактически вступила тогда в войну с гитлеровской Германией, хотя формально оставалась нейтральной. Немцев это очень раздражало. Но у германских подводников до поры были связаны руки. И тогда от Бостона до Флориды стали бесследно исчезать корабли вместе с людьми. В связи с этим появилась версия, что немецкие моряки специально подкармливали акул свежим мясом. А затем акулы переключались на тонущих пассажиров торпедированных гражданских судов. Океанские хищники следовали за субмаринами к американскому побережью, ожидая обычной мзды в виде утопающих мужчин, женщин и детей.

Версия подавалась журналистами почти как доказанный факт. Ведь в последнее время бывшие союзники по антигитлеровской коалиции стали посматривать друг на друга с откровенной враждебностью. Так почему бы СССР не развернуть психологическую войну против США?

На первой же остановке Исмаилов вышел и купил обратный билет. В ожидании поезда он буквально места себе не находил. И продолжал скупать прессу, в надежде прочитать хоть что-нибудь обнадеживающее. Напрасно. Серьёзной информации похоже не было даже у властей.

Ближе к вечеру Исмаилов присоединился к толпе несчастных родственников тех, чьи близкие

исчезли в море. Компания-судовладелец выделила для них пассажирский терминал в порту, поставила дополнительные туалетные кабинки и организовала питание. Каждые три-пять часов перед родственниками и журналистами появлялись официальные лица, которые рассказывали о ходе поисковой операции. Но ничего утешительного на этих конференциях не сообщали. На последней пресс-конференции и вовсе разразился скандал. Одну газету, сообщившую об исчезновении катера береговой охраны, власти обвинили во лжи ради высоких тиражей. Присутствовавшему в зале главному редактору даже пригрозили судом. Но вакханалию уже было не остановить. Вслед за массовыми бульварными изданиями приличные газеты бросились зарабатывать на горячей теме.

Даже такие респектабельные издания, как «Нью-Йорк геральд трибюн» и «Крисчен сайенс монитор», прикрываясь свободой слова, размещали на своих страницах бог знает что! Специальный номер журнала «Подробности», вышедший с ярким изображением чудовищного кракена на обложке, утягивающего на дно огромный лайнер, был целиком посвящен подробному живописанию воображаемой морской трагедии. Именно огромный спрут был назван вероятным виновником всех таинственных исчезновений последнего времени.

От первого лица, якобы чудом уцелевшего пассажира, которого пока держат в госпитале, живописались жуткие подробности гибели «Быстрого Георга». В погоне за прибылью владельцев журнала мало волновало, что они выпускают джина страха. И пока одни подсчитывали прибыль, другие терпели колоссальные убытки. По официальным данным, растущая паника причинила ущерб владельцам отелей на побережье на сумму около полутора миллионов долларов — из-за снижения туризма и оттока посетителей с пляжей и из расположенных в курортной зоне магазинов и баров. Чтобы хоть как-то успокоить население вдоль береговой линии срочно протягивались противоакульи сети, организовывалось патрулирование прибрежных вод вооружёнными катерами.

Глава 26

*14 июля 1947 года,
Пролив Санта-Барбара в 13
милях от мыса Аргуэлло.*

Джордж Габор расположился на корме. Писатель сидел в раскладном парусиновом кресле и читал. На ступнях его привычно устроился

лабрадор. Пёс дремал и ворчал во сне. Возле борта пожилая чета упражнялась в обращении с громоздким фотоаппаратом. По виду путешествующие пенсионеры, они с детским азартом снимали, всё, что попадалось им на глаза. В конце концов, двое благообразных старичков заинтересовались собакой и попросили разрешения снять и её. Попутно возникла беседа, темой которой с самого начала стала собака Габора. Ещё полчаса болтали о всякой всячине, главным образом о погоде, о том, как им понравилось на острове. Потом Габор начал уставать. Ему снова захотелось остаться наедине с собой. Больше всего он опасался, что собеседники каким-то образом прознают, что он литературная знаменитость и уж тогда провинциальная дама вцепится в него по-настоящему. Её флегматичный муж такого опасения в писателе не вызывал. Он в основном соглашался с женой, кивая и поддакивая. В какой-то момент дама внимательно посмотрела на Габора. Чтобы избежать разоблачения и сбросить интерес к собственной персоне Джордж поинтересовался: — Вы из Калифорнии? — Нет, мы всю жизнь прожили в маленьком городке в Монтане. — А чем вы занимались? — Он был школьным учителем, — ответила за мужа дама. — Я посвятила себя ему и детям. Если бы не наши мальчики, которые подарили нам это путешествие,

мы бы так и похоронили себя в той дыре, не повидав мира. Не увидели бы океан. — Но зачем ты так, Клара! — миролюбиво возразил супруге пожилой джентльмен. — Ты же любишь наш город и дом. Престарелая леди метнула на него взгляд строгой учительницы. — Мой муж всегда не соглашается со мной, — сказала она таким тоном, как будто супруг сделал непростительную ошибку. Чтобы сгладить трещину во взаимоотношениях парочки и завершить разговор на приподнятой ноте Джордж предложил сфотографировать их.

Пожилая чета вернулась к перилам, взялась за руки и уставилась в объектив, ожидая команды улыбнуться. Палуба под ногами слегка качнулась. Габор снова поднял камеру, и вдруг в видоискателе появилось ещё что-то за спинами стариков. Сначала Габор принял это за оптическую иллюзию, вызванную некачественной оптикой дешёвой камеры. Но когда поднял глаза, камера выпала из его рук. — Там! — писатель протянул руку, указывая перед собой. Казалось, его голос надломился. Улыбка сползла с лица пожилой дамы, когда она увидела искажённое, мгновенно побледневшее лицо мужчины. Женщина обернулась. — Иисусе! — заплакала пожилая леди. Она схватила руку мужа и прижалась к нему. Её спутник потрясённо пробормотал что-то невнятное и крепко обнял жену. Неподалёку завизжала

какая-то молодая женщина. Вскоре крики ужаса слились в один вой.

Последовал чудовищный по силе удар. Казалось, в борт судна ударила сорвавшаяся с небес исполинская кувалда. Паром накренился, но затем выровнялся. Габор вместе с потоком пассажиров поспешил туда, где находились спасательные шлюпки. Пока он бежал корабль потряс новый удар — гораздо более разрушительный, чем предыдущий. Раздался оглушительный треск, он шёл из-под палубы, из корабельного чрева. Чьи-то руки протянули Джорджу спасательный жилет. Он быстро стал надевать его, бормоча благодарственную молитву. Едва дрожавшие пальцы справились с застежками, судно переломилось надвое. Передняя часть резко нырнула и скрылась под водой. Тут началось безумие. Вокруг крики, грохот бегущих ног, вопли и стоны. Джорджа сбили с ног. Чья-то нога в женской туфле с острым каблучком наступила ему на щёку. Он сжался и прикрыл голову руками, а по нему продолжали ходить. В глазах Джорджа потемнело, он ощутил во рту вкус крови. Кое-как мужчина сумел подняться и заковылял к борту. Корма быстро погружалась. До того, как палуба встала дыбом, писатель успел перевалиться через ограждение и полетел вниз.

Габор вынырнул на поверхность, выплёвывая

солёную воду и мазут, и поплыл к ближайшей шлюпке, уже перегруженной пассажирами. Он ухватился за её борт, не в силах вскарабкаться внутрь. Его стали бить по рукам, но он в ужасе продолжал цепляться. И тогда последовал сильный удар чем-то тяжёлым по голове. Скорее всего, это было весло. Невероятно, но удар не размозжил ему череп и не отправил на дно в бессознательном состоянии. Слепший и оглохший, Джордж бешено замолотил руками, цепляясь за воду, как перед этим цеплялся за уходящую из-под ног палубу. И вдруг он почувствовал преданную опору под руками. Сократ! Верный пёс, потеряв хозяина в толпе, нашёл его.

Отовсюду неслись крики и мольбы о помощи. Чувства вернулись, а с ними новая волна ужаса и отчаяния. Обломков корабля видно не было. Шлюпки же качались далеко в стороне. Тут Габор заметил молодую женщину на обломке доски. Одной рукой она цеплялась за обломок, а другой прижимала к себе колыбель с младенцем. Появился мужчина, сбросил их в воду, а сам взгромоздился на доску и погнал её в сторону лодок.

Габор поспешил к женщине, ведь на ней не было спасательного жилета. До них было метров триста. Можно было не успеть. Джордж ласково потрепал Сократа по холке. — Давай, мальчик! Спасай малыша. Пёс посмотрел на него

преданными глазами и заскулил. — Ничего, за меня не волнуйся, твой старик благодаря этому жилету непотопляем.

Лабрадор быстро уплыл вперёд. Джорд поплыл следом, но выдохся примерно на середине пути. Он был слишком грузен, дряблые мышцы не привыкли к серьёзной физической работе. В изнеможении писатель перевернулся лицом вверх, распластался на воде, раскинув налившиеся свинцовой тяжестью руки и ноги; прикрыл глаза, чтобы солнце не так слепило. Показалось, будто что-то прошло под ним: его подняло и опустило, словно на волне. Но море было спокойно.

Мужчина быстро перевернулся. Что-то огромное кружило вокруг, скрываясь под водой. Габор закрутился волчком. Он был мужественным человеком, в своей жизни он не раз оказывался на волосок от гибели и даже перед взводом расстрельной команды не спасовал бы. Но открывшееся перед ним зрелище заставило его затрепетать от ужаса. Вытаращив глаза, с перекошенным лицом мужчина следил, как смерть приближается — не торопясь, играя, заставляя кровь леденеть в его жилах.

Те, кто угрожал в анонимном письме устроить писателю самую страшную на свете казнь, слов на ветер не бросали. В последний момент мужчина вспомнил о кольце, с которым не расставался в